

Ольга
Степнова

Звезды

ИРОНИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Педи
не по зубам

Ольга Юрьевна Степнова
Леди не по зубам
Серия «Беда», книга 4

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180913
Леди не по зубам: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33189-5

Аннотация

Как вы думаете, что произойдет, если поместить в один школьный автобус троих преподавателей, замдиректора школы, двух старичков-миллионеров, ученика старших классов, наемного убийцу, писательницу детективов, собаку, мартышку и отправить их с гуманитарной миссией в путешествие до монгольской границы? Правильно, хорошего ждать не приходится. Зато будет весело. По дороге с ними случится куча неприятностей, а в конце пути окажется, что каждый из них – вовсе не тот, за кого себя выдавал. И все это на фоне мексиканских страстей и любовного треугольника. Ведь, кроме ревнивого мужа, писательницей Эллой Тягнибедой очарован и Дэн – чертовски привлекательный искатель приключений...

Содержание

Бизон	4
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Степнова

Леди не по зубам

(Рейс особого назначения)

Бизон

Попутчик, как назло, попался неразговорчивый.

Мы отмотали уже километров сто, а он не сказал ни слова.

– К утру бы до Тайменки добраться, – попробовал я завязать разговор, но потерпел неудачу.

Парень молчал, напряжённо вглядываясь в дорогу, бегущую нам навстречу.

Сидя за рулём, я краем глаза видел его чёткий, точёный профиль и едва пробивающуюся щетину на скулах.

Глупое и небезопасное это дело – брать попутчиков на ночной дороге, но, во-первых, я склонен доверять людям, во-вторых, боюсь заснуть за рулём, не имея собеседника, в-третьих... В третьих, я плохо представлял себе смельчака, рискнувшего бы напасть на парня такой комплекции как у меня. Может, я излишне самоуверен, но мой рост, вес, армейские навыки, приобретённые в десантуре, и регулярные тренировки в спортзале давали мне право так думать.

Чтобы нарушить усыпляющую тишину, я попробовал настроить музыкальный канал, но на трассе ничего не ловилось.

Тогда я засвистел. Весело и беззаботно, исключительно для того, чтобы прогнать сон.

Фары били на километр вперёд, о стекло разбивались шальные ночные бабочки, встречных машин почти не было.

Я люблю ночную езду. Я любил бы её ещё больше, если бы так не хотелось спать...

Вот вчера мне попался попутчик так попутчик! Он травил бородатые анекдоты, фальшиво распевал блатные песни, а потом попросил «десять рубликов» на жвачку. Когда я предложил ему вместо «рубиков» непечатую пачку «Дирола», он с гордостью заявил, что «рублики предпочтительнее». Разошлись мы на том, что я зачем-то купил у него за полтинник целое ведро сморчков, которое он вёз с собой.

– Отлить бы, – вдруг глухо сказал сегодняшний мой попутчик, по-прежнему не отводя глаз от дороги.

Я оборвал свист на самой высокой ноте и посмотрел на него в упор.

Парню было лет тридцать, у него было загорелое, обветренное лицо и телосложение боксёра-тяжеловеса. Вещей при нём не было. Пожалуй, я сильно погорячился, согласившись подкинуть его на сотню-другую километров, в три часа ночи.

Останавливаться на безлюдной трассе лишь для того, чтобы этот крепыш справил нужду, не очень хотелось. Кто знает, что у него на уме...

Он перехватил мой взгляд и усмехнулся. Меня аж в пот бросило: никак этот ханурик решил, что я боюсь его!

Я прибавил газу.

– Пройдёшь в салон, в конце автобуса, за перегородкой, есть биотуалет. Там кнопка на бачке унитаза, смыть за собой не забудь.

– Мне бы под ёлочку! Как-то привычнее, – опять усмехнулся он.

– Делай, что говорю. Останавливаться не буду. Я тут не просто так катаюсь, у меня график. В восемь утра мне нужно быть в Тайменке. Тебя взял – пожалел просто.

Он опять усмехнулся. Его ухмылки стали меня раздражать.

– Это школьный автобус?

Наконец-то разговорился! Правда, сон у меня и так, как рукой сняло. Ничего так не тонизирует, как опасность.

– Да, это «скул бас». Мы гоним его на границу с Монголией. Этот автобус – гуманитарная помощь камбоджийским детям от бельгийских бизнесменов. Бельгийцы догнали его до Сибирска, где он перезимовал, а теперь мы гоним его в Монголию. Там передадим монгольским ребятам, они погонят его дальше. Такая вот международная гуманитарная акция.

– Что же это за график такой, которого ты придерживаешься?

– Мы не просто гоним этот автобус. У нас программа: «Нет наркотикам, да – здоровому образу жизни!». Развозим по сельским детдомам спонсорскую гуманитарную помощь и показываем культурно-развлекательную программу.

Парень заржал.

– Культурно-развлекательную программу! Ой, не могу!! Нет наркотикам! Спортом что ли детей алкоголиков учите заниматься?! – Он поднял вверх руки, сжал кулаки и напряг неслабые бицепсы. Под тонкой рубашкой обозначился чёткий конус его безупречного торса.

– Ты в сортир-то идёшь? – прервал я его веселье.

– Остановить свой «скул бас», чтобы я сбегал под ёлку ты боишься, а отправить меня в салон, где спят люди – нет?!

– Только рыпнись. Рон горло тебе перегрызёт.

– Рон у нас кто?

– Кавказский овчар. Девяносто килограмм веса и зубы как у медведя.

Он уважительно присвистнул.

– Ну, я пошёл?

– Только на цыпочках. Не дай бог тебе кого-нибудь разбудить в салоне.

В зеркало заднего вида я видел, как он, пригнувшись, прокрался вдоль двухэтажных кроватей, на которых спали мои коллеги. Дорожные условия уже приучили их спать, не обращая внимания на тряску и шум.

Хлопнула дверца сортира, щёлкнул замок.

Рон, дремавший под одной из полок, почував чужого, шумно понюхал воздух, но успокоился и заснул.

Некоторое время я ехал в одиночестве. Скорость держал девяносто, – всё-таки, это был автобус, а не гоночная машина, что накладывало определённые ограничения на мой водительский пыл и отличные шофёрские навыки.

Я ехал и думал, что, пожалуй, лучшего развлечения на первый месяц школьных летних каникул я и придумать себе не мог. Скорость, дорога, свежий воздух, красивый пейзаж за окном, впереди – Алтайский край, горные перевалы, приятные приключения, плюс полезное во всех отношениях дело для бедных камбоджийских детей и российских провинциальных детских домов, которым мы везли щедрые подарки и хорошее настроение.

Очнулся я от сигаретного дыма, щекотавшего нос.

– У нас не курят! – рывкнул я, думая, что из туалета вернулся попутчик.

Чья-то рука обхватила меня за шею. Я чуть было не вмазал по тормозам и с разворота не ударил стоявшего у меня за спиной.

– Чегой-то ты нервный какой-то, Бизя, – успела насмешливо сказать Беда мне в ухо.

– Тьфу, напугала, – чертыхнулся я, разгоняя дым перед носом рукой.

Запретить Элке Тягнибеде курить в автобусе я не мог по одной простой причине – она была мне не коллегой, не подчиненной, она была мне женой. Думаю, многие парни, прошедшие через брак, поймут, что я имею в виду.

За два года совместной жизни Беда приучила меня, что с ней легче расстаться, чем запретить ей что-либо делать. Так как расстаться с Элкой было выше моих сил по причине большой и светлой любви, приходилось закрывать глаза на её своенравный характер и вредные привычки.

Положение усугублялось тем, что Элка неожиданно-негаданно стала писательницей. Вернее, свои детективы она строчила давно, но до сих пор её опусы не издавались. А тут, полгода назад, одно московское издательство вдруг приняло сразу все её книги, и они начали выходить одна за другой с перерывами в месяц.

Это стало катастрофой для моей личной жизни. Элка, и так никогда не отличавшаяся кротким нравом, стала проявлять чудеса звёздной стервозности. Но меньше любить я её не стал. Мне кажется, я стал любить её даже больше. Потому что ничто так не заводит, как баба, у которой куча амбиций и своё любимое дело.

Работу криминального репортёра Элка бросила сразу, как только её первый детектив появился на книжных прилавках. Как же, будет она теперь подчиняться какому-то там редактору, сдавать материалы в срок, дежурить в редакции! Будет её теперь кто-то править! Она бросила заявление об уходе на стол, заявив главному, что в гробу она видела «эту газету, эту работу, а в особенности эту зарплату!» Главный, надо отдать ему должное, попытался остановить Элку от необдуманного поступка, но она только фыркнула в ответ на сумму, которую он пообещал добавить к её зарплате.

Так я стал мужем писательницы. Не скажу, чтобы это было легко. Стирать, готовить, убирать квартиру и зарабатывать «на поесть» стало моей обязанностью. Элка с утра до вечера витала в астрале и думала над сюжетом. Она курила и писала, писала и курила, литрами пила кофе, почти ничего не ела, а воздух вокруг дивана, на котором она творила, был наэлектризован.

Хуже всего мне приходилось, когда у Беды наступал творческий кризис. Творческий кризис, насколько я понял – это такая штука, когда хочется, но не может. Слова не стыкуются в предложения, сюжет заходит в тупик, и кто кого и за что убил, автору категорически непонятно. Кризис случался у Элки с регулярностью два раза в месяц, и в эти периоды я ходил по квартире на цыпочках, спал на кухне, на раскладушке, питался в школьной столовой, потому что запах готовящейся еды Элку раздражал.

Во время одного из таких кризисов я заявил Беде, что еду перегонять бельгийской автобус камбоджийским детям. К моему удивлению, она не разозлилась, а обрадовалась.

– Отлично, я еду с тобой, – заявила Беда. – Мне нужны свежие впечатления, а то я уже заработала целлюлит мозга на этом диване.

Спорить с ней было бессмысленно.

Так я очутился с женой в служебной командировке.

Кроме неё в автобусе были ещё три человека и наша собака, но это спасительной роли для меня не играло. Элка была единственной, на кого моё влияние, власть и авторитет замдиректора школы не распространялись.

– Что ж ты берёшь попутчика, которого боишься? – с издёвкой спросила Беда, убирая руку с моего горла.

– С чего ты взяла, что я его боюсь?

– Как же – вздрагиваешь и бледнеешь, как кисейная барышня! – Элка уселась в кресло рядом со мной.

– Элка, не зли меня. Ты ведь не хочешь ночью развлекать меня разговорами, вот я и беру попутчиков, чтобы не заснуть за рулём.

– А он ничего! Высокий, широкоплечий... Как ты думаешь, он узнал меня?

– Ну, если ты успела покрутить у него перед носом своим детективом с фотографией автора на обложке, а потом всучить книгу в подарок с автографом, тогда – конечно, узнал!

Кстати, такой презент пришёлся бы ему очень кстати, в сортире закончилась туалетная бумага.

– Ты мстишь мне за то, что я сказала, что он «ничего»? – ласково поинтересовалась Беда.

– Он на голову ниже меня и килограммов на десять легче! – рывкнул я, не отводя глаз от дороги.

Она засмеялась. Ничего так не смешило её, как моя тихая ярость.

– Окно приоткрой! – буркнул я. – Почему спящие люди должны дышать твоим дымом?!

– О господи, – вздохнула она, открывая боковую створку, – кажется, я зря поехала с тобой! Скука смертная! Ночью едешь, днём колбасишься с дегенеративными детками, – никаких впечатлений! Даже уединиться негде! – Она игриво щипнула меня за бок.

Я давно заметил: сексуальный пыл Элки обратно пропорционален нашим возможностям остаться наедине. То есть, чем меньше шансов уединиться, тем больше она намекает на свою гиперсексуальность. В периоды невозможности остаться вдвоём, у неё совсем не «болит голова» и нет заявлений типа: «давай завтра!»

Я тяжело вздохнул, потому что не рискнул высказать свои наблюдения вслух.

– Что-то твой Шварценеггер в сортире задерживается, – сказала она. – А вообще-то, он стопроцентно неплохой парень!

– С чего ты взяла?!

– Рокки на него не рычал. Ты знаешь, что собаки видят ауру человека и поэтому точно знают, злой человек или добрый?

– Уж не знаю, что там видят собаки, но девицы типа тебя первым делом замечают у парней рост и ширину плеч.

Она захохотала.

– Ревнуешь!

– Вот ещё!

– Ревнуешь, ревнуешь! Хоть какое-то развлечение во всей этой «культурно-развлекательной» дорожной бодяге! Слушай, а в этой Тайменке есть речка?

– Понятия не имею. Наверное, есть.

– Если есть, то пока вы будете развлекать детдомовских охломонов, я пойду купаться и загорать топлес!

– Только вздумай. Запру в автобусе.

– Рискни. Сяду голой за руль, и буду гонять кур по деревне.

– Даже для писательницы ты очень уж эксцентрична.

– Даже для педагога ты чересчур занудлив!

– Элка, перестань. Не хватает ещё поругаться.

– Я и не начинала.

– Сядь за руль, а я пойду проверю, куда запропастился этот любитель путешествовать автостопом. Что-то не нравится мне этот гусь...

– Я здесь! – раздалось за спиной.

Беда обернулась и встала, уступая место попутчику. В узком проходе их разделяло преступно-маленькое пространство, они стояли, почти касаясь друг друга: она – длиннющая и худая, с короткой, чуть растрёпанной стрижкой, в очках, отблескивающих тонкой оправой, в неизменно-потёртых джинсах и еле держащимся на тоненьких лямках топике; и он – выше её на голову, с выправкой и осанкой спортсмена, с плакатно-киношным лицом.

Я видел, как они стояли друг против друга, хотя и не отрывал глаз от дороги.

– Денис. Можно просто Дэн, – представился попутчик исключительно ей, словно меня не существовало.

– Элла. Можно просто Беда.

И ни слова о том, что она мне жена.

Чтобы сделать своё присутствие более заметным, я крутанул руль вправо. Не будь в салоне спящих людей, я сделал бы этот манёвр резче и круче, но и то, что я сделал, было недальновидно. Элку качнуло, она повалилась на грудь попутчику. Он с готовностью её подержал, не давая упасть.

Чёрт меня дёрнул взять Беду в эту поездку! Сидела бы дома, строчила свои детективы и мечтала о вселенской славе...

Протиснувшись мимо попутчика, Элка ушла в салон.

Дэн сел рядом со мной и достал из нагрудного кармана сигареты. Я не стал запрещать ему курить, сказал только:

– В Тайменке выйдешь. Нам дальше не по пути.

Он пожал могучим плечом, кивнул и опять усмехнулся.

Гад!

Жаль, что я за рулём и не могу набить ему морду.

Все российские деревни похожи одна на другую.

Лес, речка, бездонное небо, бескрайнее поле, звенящая чистота воздуха и длинные ряды домов с палисадниками и огородами, тянущиеся вдоль пыльных улиц, по которым бегают полуголые, чумазные дети, бродят ленивые кошки и суетливо пасутся куры...

Тайменка не была исключением. И хоть на карте обозначалась она, как «районный центр», все симптомчики русской деревни были здесь налицо, включая явственный запах навоза и полное отсутствие на дороге каких-либо дорожных знаков. На этом-то я чуть и не погорел...

Не разобравшись, где главная дорога, я вылетел с поворота, едва не вписавшись в бочину чёрной «Волги», вынырнувшей откуда-то справа.

Взвизгнули тормоза, автобус накрыла густая пылевая завеса, я налетел грудью на руль. Сзади послышались короткие ругательства моих пассажиров.

– Ёпть! – выдохнул Герман Львович, с грохотом падая с верхней полки.

– Блин-банан! – заорал Ганс, тоже не удержавшись на верхотуре.

– Чёрт побери! – консервативно выразилась Викторина Юрьевна, спавшая внизу и, по всей видимости, не пострадавшая.

– Гав! – высказался Рон.

– Твою мать!! – более традиционно ругнулась Беда.

Промолчал только попутчик. Он успел схватиться за ручку над головой, чтобы не клюнуть носом лобовое стекло. Я не ошибся: его реакция и физическая подготовка были на высоте.

Автобус замер в миллиметре от водительской двери «Волги». Я вытер со лба выступившую испарину.

– Ах ты, хрен косорукий! Гвозди тебе в колёса, дальний свет в рожу и грязного китайца в жёны!! Иди, в рыло дам! Иди, иди, хвост надеру! – заорал невысокий дядька в розовой рубашке и рванул мою дверь.

– Извините, – покаянно сказал я, догадавшись, что это водитель «Волги», – простите, тут совсем нет никаких знаков, а я не местный...

– Знаков ему не хватает!! – заорал мужик. – Не местный он, видите ли! А глазёнки, глазёнки-то кто разувать будет, когда за руль садится?!

Рон зарычал у меня за спиной, но Беда приказала: «Фу, Рокки!»

Попутчик выскочил из автобуса и вплотную подошёл к дядьке.

– Слышь, папаня! Ты руками-то не маши! Видишь, люди приличные, с гуманитарной помощью в вашу дыру едут, а ты с кулаками на них кидаешься! Глаза-то разуй, это школьный автобус, приехал детдому вашему помогать!

– Ох-ё!! – схватился за голову дядька, ринулся вдруг ко мне, и, схватив за руку, начал трясти её в приветственном жесте.

– Роднули!! Да я ж вас встречать еду, чтобы вы тут не заплутали! Я директор интерната, позвольте представиться! Оскар Васильевич Сикорук! – От избытка чувств мужик рванул ворот розовой рубашки, обнажив жилистую шею и хилую грудь. – Вот ведь какой эпизод случился скандальный! Вы уж никому не рассказывайте, чего я вам тут нажелал!!

Попутчик усмехнулся и вернулся в автобус.

Потом, припоминая события, я так и не вспомнил, когда и как он исчез...

Через двадцать минут мы уже были размещены в светлых комнатах интерната, как дорогие, долгожданные гости. Оскар Васильевич пригласил нас в столовую «отобедать», хотя время было около девяти утра. Столовая была пустая, видимо, дети уже позавтракали. Нам накрыли на длинных, составленных в ряд столах, еда была простая, но вкусная, а главное, её было много. Гречка с мясом, горячие пирожки с капустой, голубцы со сметаной, чёрный хлеб, холодец, омлет с помидорами, маринованные грибы и компот – много компота, с плавающими в стаканах, словно рыбы в аквариуме, крупными, мясистыми сухофруктами. Из всей нашей команды только Элка наморщила нос на всё это великолепие и попросила у повара бутылку «Перье» с лимоном, заявив, что гречку с мясом и пироги с капустой с утра едят только «психически нестабильные личности». Вместо «Перье» ей принесли «Карачинскую», и она с кислой миной пила минералку прямо из бутылки, всем своим видом показывая, что она намного выше таких земных удовольствий, как набить желудок с утра омлетом, грибами и холодцом.

С аппетитом уплетая голубцы со сметаной, я смотрел на неё и думал: всё-таки хорошо, что она поехала со мной, все-таки хорошо! Потому что... я бы скучал без её выкрутасов, без её холерически-буйного интереса к жизни и неуёмного поиска приключений. Потому что чёрт её знает, что бы она вытворяла в моё отсутствие в поисках выхода из своего «кризиса»...

Вся эта история с благотворительной миссией началась несколько дней назад.

Вернее, началась-то она гораздо раньше, но в путь мы двинули в первый день летних каникул – тридцать первого мая.

Неделю назад меня вызвал в свой кабинет директор школы Владимир Ильич Троцкий.

– Глеб Сергеич, – официально обратился он ко мне, хотя мы с ним давно были на «ты». – Выручай!

Когда Ильич говорил «выручай!», у меня, если честно, холодело под ложечкой.

Троцкий, несмотря на благообразную внешность, почтенный возраст и консервативный стиль одежды – безбашенный авантюрист. Как только он чувствует, что из какой-нибудь комбинации с использованием своего служебного положения можно получить материальную выгоду, у него начисто сносит башку и отказывается здравый смысл. Я много раз выручал его из опаснейших авантур с риском для своей жизни и репутации, но что-то мне говорит, что Ильич никогда не угомонится. Более того, в последнее время я заподозрил, что директор школы не столько корыстен, сколько любит словить порцию адреналина от двусмысленных и опасных ситуаций. Разгребать последствия, правда, всегда приходилось мне, и всегда, выйдя сухим из воды, Троцкий божился и клялся, что никогда в жизни он больше не сделает таких глупостей, но проходило время, и всё начиналось сначала.

– Если мне опять после твоего «выручай!» придётся давать показания в прокуратуре, то я – пас, – твёрдо сказал я своему шефу.

– Ой, да ладно тебе, праведник, – поморщился Троцкий и засунул за щёку леденец, из чего я должен был сделать вывод, что ему страшно хочется выругаться. Одни при помощи мятных конфеток пытаются бросить курить, Ильич же с их помощью отучал себя материться.

– Делов-то, автобус перегнать до монгольской границы! Кому мне ещё такое дело доверить?! Курицам нашим? Или Герману малахольному? Ты один в нашей школе полноценный во всех отношениях, надёжный и сильный мужик.

Кажется, на этот раз дело было чистым и ничем не грозило.

Историю про бельгийский автобус знал весь город, о ней писали в газетах, рассказывали по телевизору.

Благородные бельгийские парни решили подарить камбоджийским детям школьный автобус. Они загрузили его под завязку разной гуманитарной помощью и двинули в путь. Без проблем проехав всю Европу, Белоруссию и часть России, на монгольской границе они вдруг напоролась на какие-то бюрократические заморочки. Что, как и почему помешало им пересечь границу, толком никто не знал, но результатом этого возмутительного крючкотворства стало то, что парни вынуждены были вернуться в Сибирск – ближайший крупный областной центр, где у них были знакомые. Дело было осенью, предстояла лютая сибирская зима с морозами, поэтому решено было, что бельгийцы самолётом вернуться на родину улаживать проблемы с документами, а автобус вместе с мешками гуманитарной помощи перезимует на автостоянке в Сибири. Весной бельгийцы планировали вернуться и продолжить свой путь.

Уж не знаю, как в ближайших друзьях этих парней оказался Ильич, но именно ему было поручено присматривать за автобусом, вовремя вносить плату за автостоянку, слить на зиму воду из радиатора и счищать снег с капота и крыши. Ему были оставлены ключи от автобуса, а в качестве награды за такую заботу было предложено воспользоваться материальными благами, которыми под завязку был забит жёлтый «скул бас». Чего там только не было – кофе, чай, макароны, косметика, шоколад, все виды консервов – от рыбных до овощных, ватные гигиенические тампоны, туалетная бумага, пара велосипедов, несколько радиоманитол, роскошная гитара, одежда и ... много чего ещё. Наивные бельгийские бизнесмены простодушно полагали, что если один человек немного попользуется продуктами, косметикой и предметами личной гигиены, которыми под потолок был забит автобус, то сильно от камбоджийских детей не убудет. Ну сколько может съесть за зиму консервов и макарон приличный дядечка, у которого хорошая зарплата и стабильное положение в обществе? Ну, несколько пачек и пару-тройку банок. Сколько тёплых носков износить? Две-три пары, не больше. Сколько рулонов туалетной бумаги израсходовать? Ну, десяток! А их, этих рулонов, было ... несколько штабелей.

Так, наверное, рассуждали добрые бельгийские парни, оставляя зимовать автобус в Сибирске.

Они не знали широты русской души!

Ильич за зиму ни разу не сходил в магазин. За продуктами, косметикой, одеждой и туалетной бумагой он ходил только «в автобус». Кофе и чай дома и на работе он пил только бельгийский. Велосипеды перекочевали в гараж Троцкого, радиоманитолы в спальню и кабинет. Гитара, на которой он отродясь не умел играть, зачем-то пылилась на стенке в его гостиной. Жена Ильича – Нэлка, варила супы только из бельгийских консервов. Лицо на ночь протирали бельгийскими ватными дисками, смоченными в бельгийских лосьонах. Бельгийский шоколад уже вызывал отвращение, его дарили налево и направо, чтобы не тратиться на подарки. Стол и дом у четы Троцких ломались от бельгийских гуманитарных благ и тогда они стали раздаривать их друзьям и знакомым, обеспечив себе репутацию щедрых и добрых людей. «Сходить в автобус» одним стало неинтересно, они приглашали для набега кого-нибудь из приятелей. Каюсь, сам там был пару раз, прихватив домой пару пачек отличного стираль-

ного порошка, банку томатов и несколько рулонов туалетной бумаги. Эта бумага особенно хорошо и быстро «расходилась». Кому охота на неё тратиться?!

Короче, в домах Сибирска люди уже стали по внешнему виду признавать вещички и продукты «из автобуса». Кофе, сахар, спортивные штаны, носки, прокладки, поливитамины, дезодоранты и средства от комаров... Список был разнообразным и многофункциональным.

«Ой, и вы тоже в автобус ходили?» – радостно спрашивали друг друга знакомые знакомых Ильича, заметив друг у друга в туалете, или на кухне знакомые этикетки.

Великое русское понятие «халява» приобрело невиданный размах и интеллигентное бельгийское лицо. Правда, бельгийцам об этом было неизвестно.

К весне бельгийский подарок камбоджийским детям походил на жертву разбойного нападения. Целыми в автобусе остались только стены и стёкла.

Впрочем, нет, не пострадало ещё и его внутреннее устройство – деревянные полки-кровати, маленький столик, биотуалет, перегородки и шторы на окнах.

Забрав из «скул баса», последнюю пачку макарон в апреле месяце, Ильич вдруг встал перед жестокой необходимостью ходить в магазины. По-моему, он испытал лёгкий шок.

К счастью для психики бельгийских парней, они не узнали, что случилось с автобусом. Бизнесменов так затянули неотложные дела на родине, что они вынуждены были обратиться к Троцкому ещё с одной просьбой: чтобы тот сам организовал перегон автобуса на границу. Там его подхватят монгольские друзья и погонят дальше – через Монголию в Китай, потом через Лаос в Камбоджу...

Я сильно подозревал, что согласившись перегнать «скул бас» своими силами, Троцкий содрал с бельгийцев приличный гонорар в конвертируемой валюте. Но меня это не касалось.

Мне понравилась идея небольшого путешествия на границу через Алтай...

– Я согласен, Владимир Ильич, – кивнул я. – Перегнать, это дело хорошее!

– Вот и хорошо, Сазонов, – без особой радости кивнул Троцкий, – вот и молодец, что не... – Он снова заложил за щеку конфетку, хотя первая ещё явно не рассосалась. – Вот и молодец! – повторил он. – Только это... тут не просто транспорт перегнать требуется, а ещё немного массовиком-затейником поработать. Я через районо командировку тебе организовал, благотворительную. Будешь по сельским детдомам ездить, раздавать гуманитарную помощь, ну и... программу какую-нибудь там развлекательную придумай, что ли... У тебя это получится. – Троцкий опять запихнул за щеку леденец.

– А где её взять, эту помощь-то? – спросил я. – Вы ж её того... съели.

– Спонсоров найди! – заорал Троцкий. – Что, маленький, что ли? У нас сколько человек на медаль идёт?! Семь или восемь! У одного папаша директор крупной фармацевтической фирмы, у другого директор центрального рынка, у третьего... Нет, я что учить тебя должен, Сазонов?! Ты завуч у нас или кто?! Я на фига Дору на пенсию отправляю?! Чтобы ты тупил здесь, как курица?! – В рот отправилась очередная конфета. – И возьми себе в помощники три человека. Сам выбери – кого. Можешь Германа малахольного – он вроде водить умеет, подменит за рулём, если что.

Судя по количеству конфет, сдерживающих ругательства, здесь всё же было что-то нечисто, но, поразмыслив, я отмёл все сомнения и с энтузиазмом взялся за дело.

Спонсоров я нашёл за два дня. Родители учеников, идущих в следующем году на медаль, не только с удовольствием профинансировали поездку, но и организовали гуманитарную помощь детям-сиротам. Это были мешки с медикаментами и одеждой, несколько жидкокристаллических телевизоров в комплекте с видеоплеерами, одеяла, постельное бельё и три десятка мобильных телефонов. Маршрут я согласовал с директорами тех интернатов, которые мы должны были посетить. Развлекательную программу под названием «Нет наркотикам, да – здоровому образу жизни!» написал за два дня и быстренько разучил её с

коллегами, которым предложил поехать со мной. Это был преподаватель математики Герман Львович Абросимов, ученик, перешедший в одиннадцатый класс – Ганс Гаспарян, и учительница начальных классов Викторина Юрьевна Лаптева. Они с удовольствием согласились поехать в эту командировку, которая сулила не только увлекательное путешествие на Алтай, но и месячную прибавку к зарплате.

Решив, что ночью будем ехать, а днём работать с детьми, мы ранним утром двинули в путь.

Тайменка была второй деревней, которую мы посетили с благородным визитом, в первой – всё прошло как по маслу.

– Как ты думаешь, книжные магазины уже открыты? – в третий раз спросила меня Беда, когда после завтрака мы вернулись в светлую комнату, напоминавшую гостиничный номер: две кровати, столик, два кресла и две небольшие тумбочки. Остальным членам нашей команды выделили одноместные «номера».

– Какие магазины в такую рань? – в третий раз вяло отреагировал я и огляделся. – Чёрт, где бы побриться?! – Ни раковины, ни зеркала в комнате не было.

– Уже почти десять! Должны быть открыты! Я, пожалуй, пойду, прогуляюсь... – Элка решительно направилась к выходу.

– Стой! – Я перехватил её у двери и силой усадил в кресло.

У Элки был бзик – искать в магазинах свои детективы, посматривая при этом по сторонам, не признал ли кто из продавцов или покупателей в ней «ту самую Тягнибеду». Никто ни разу её пока не узнал, хотя пару раз она, как писатель, засветилась на телевидении, а один раз даже дала интервью многотиражной газете. Впрочем, нет, как-то при мне какая-то тётушка потребовала у неё автограф, но потом выяснилось, что она перепутала Элку с Ириной Хакамадой.

В общем, со славой у Беды пока было не очень, но её тонкий, породистый нос с готовностью ловил в воздухе её чудные, волнующие флюиды...

– Элка, у тебя ж тираж всего десять тысяч! С чего ты взяла, что твои книги должны продаваться в такой дыре?! Чёрт, как бы побриться?! – Я опять огляделся, отыскивая хотя бы розетку, но и её нигде не было.

– Да что бы ты понимал в тиражах! – заорала Элка, вскочила с кресла и заметалась по комнате, словно это была тюремная камера. – Что бы ты понимал!! Да ни одно издательство никогда не указывает реальные тиражи! Ни одно! Пишут десять, а издают – пятьдесят! Пишут – пятьдесят, а издают сто!! Мои книжки обязательно должны продаваться в этой деревне! Я же видела, как на меня пялилась повариха в столовой! Она узнала меня! А раз узнала, значит, читала мои детективы!

– Тише, тише, – попробовал я уговорить Элку, но она выкрутилась из моих рук и снова замельтешила по комнате.

– Мои книги должны тут продаваться! Я хочу видеть, как они стоят на полочке, как покупатели достают их, как смотрят на мой портрет на обложке, как листают, выборочно читая куски, как восторженно вытягиваются у них лица, как они идут на кассу и достают деньги... Я должна видеть это, чтобы дальше писать!

– Тебя послушать, так всех издателей надо пересадить за махинации с тиражами... Кстати, повариха в столовой вообще вряд ли умеет читать. Просто у неё никто никогда не требовал вместо завтрака минералки с лимоном. Да и таких длинных, вздорных девиц она вряд ли когда-нибудь видела в своём мегаполисе, вот и пялилась. Элка, сядь, не носись, мы твои книжки в Барнауле посмотрим, уж там-то они точно есть! – Я подкрался к ней сзади, схватил в охапку и зашептал на ухо: – Кажется, у тебя не болит голова, до начала нашей программы ещё есть время и мы наконец-то одни! Давай...

– Ты с ума сошёл! – возмущённо прошептала Беда и выкрутилась из моих рук: – За стеной бедные сироты, а ты готов учинить разврат на казённой койке! И потом, тут, кажется, нет замка... – Она демонстративно распахнула дверь, ведущую в гулкий коридор, пахнущий подгорелой кашей и хлоркой. – И знаешь, с такой щетиной просто неприлично приставать к женщине! – Элка миролюбиво потёрлась носом о моё плечо.

– Вот так всегда! Если не голова, так щетина или бедные сироты, – вздохнул я и пошёл во двор выгружать спонсорские подарки.

Автобус уже успел раскалиться под июньским утренним солнцем.

Из грузового отсека я достал коробку с видеоплейером, один телевизор, пакет с медикаментами, мешки с одеждой, постельным бельём и одеялами. Чего-то не хватало, я на минуту задумался, но вдруг вспомнил – мобильные телефоны! Сотовые были призами в тех конкурсах и викторинах, которые мы приготовили для детей.

Я перерыл весь отсек, но коробка с тридцатью мобильниками как в воду канула.

– Чёрт! – выругался я и пошёл в интернат за Гансом.

Гаспарян, голый по пояс, лежал на лужайке перед входом в здание, и загорал. Рядом с ним дремал Рон. Бабочки-капустницы порхали над ними, садясь то Гансу на грудь, то собаке на нос.

– Рота подъё-ом! – нарушил я атмосферу неги.

Парень подскочил, словно ошпаренный. Он был высоченный, черноволосый, с телом атлета и лицом ребёнка. Крупный с горбинкой нос и чёрные с поволокой глаза выдавали в нём кавказское происхождение.

– За мной, – приказал я Гансу.

Он с заискивающей готовностью трусцой побежал за мной.

– Здесь коробка с мобильниками стояла, не знаешь, где она? – спросил я его у автобуса.

– Я не брал! Это не я! – по-детски бурно отреагировал Гаспарян.

– Я спрашиваю, не знаешь ли ты, куда запропастилась коробка, а не говорю, что ты присвоил мобильники! – разозлился я. – Я точно помню, она вот тут была, рядом с телевизорами!

Ганс нахмурился и добросовестно перерыл грузовой отсек, последовательно передвигая мешки и коробки.

– Не-ту! – сказал он, вылупив на меня чёрные глазищи и хлопая пушистыми ресницами. – Пропали!

– Я и сам вижу, что пропали, – пробормотал я.

– Глеб Сергеич, а тот парень, которого вы подвозили, он не мог...

– Бери пакеты с подарками и тащи их в актовый зал, – оборвал я его.

И без Гаспаряна было понятно, что я идиот, дурак и полный кретин.

В ярости пнув какой-то пень, торчавший посреди дороги, я громко выругался.

– Эй! Чему так радуемся?!

Ко мне подошла Беда. Она успела сменить джинсы на короткий безумно-розовый сарафан, накрасить губы розовой помадой и вместо пляжных шлёпок одеть босоножки на шпильках.

– Ну, как я? – покрутилась Элка вокруг своей оси, придерживая мизинцем очки на переносице.

– Фея! Принцесса! Мечта сибирского педагога! – Больше я понятия не имел, как можно назвать девушку в розовом сарафане, ростом чуть меньше двух метров и фигурой легкоатлетки... Я и не помнил, видел ли я когда-нибудь Элку не в джинсах. По-моему, нет.

– Вообще-то, это не мой стиль, но... – Беда вздохнула, – среди навоза и кур вдруг так захотелось гламура! Этот сарафанчик мне Катька перед отъездом вручила. Он оказался ей мал!

Я понятия не имел, кто такая Катька, и почему она дарит свои вещи моей жене.

– Почему ты не спрашиваешь, кто такая Катька? – Элка подозрительно прищурилась.

– Твой хороший человек Денис спёр коробку с мобильниками, – мрачно сообщил я Беде.

– Вообще-то это ты его посадил в автобус, – справедливо заметила Элка. – Я давно говорила тебе: брось дурацкую привычку подбирать попутчиков! И потом... что-то не верится мне, что Дэн их прихватил! Мобильников было штук тридцать, а у него не было ни сумки, ни рюкзака! Он что, за щекой их унёс, как хомяк?!

– Дэн! – заорал я и снова пнул трухлявый пенёк так, что щепки полетели от него во все стороны. – Он для тебя уже Дэн?! Да он просто вор, этот гад! Сейчас пойду в милицию, накатаю заяву, пусть его в розыск объявят!

– Ты видел, как он ушёл?

– Нет! В том-то и дело, что он исчез незаметно! Это он упёр телефоны! – Я решительно направился в сторону интерната, чтобы позвонить ноль два.

– Стой! – спотыкаясь на своих каблуках, Беда побежала за мной. – Мне кажется, это не он! Поверь моему богатому детективному опыту, это точно не он!

– Не он?! – спросил на ходу я. – А что он так долго делал в сортире?! А сортир рядом с грузом! А ты ему глазки строила и хвостом перед ним крутила!

– Я?! – Элка бежала чуть сзади и сбоку. – Я глазки строила?! Я крутила хвостом?! Ну ты и... ну ты... – она захлебнулась эмоциями, но поняв, видно, что такой стиль разговора не подходит её гламурному образу, вдруг тихо и высокомерно сказала: – У Дэна лицо честного человека!

Первый раз Элка не почувяла криминала там, где он был налицо.

Не скажу, что это меня обрадовало.

Я вспомнил высоченного, широкоплечего Дэна с голливудским лицом и скрипнул зубами от злости.

– Тридцать телефонов не могли никуда завалиться, – резко сказал я Беде.

– Это не он!

– Больше некому!

Она не стала мне больше ничего отвечать, обогнала меня и пошла к интернату шаткой походкой неопытной манекенщицы.

– Больше некому! – крикнул я ей вдогонку. – Нужно спросить у всех наших, не пропали ли у них деньги и личные вещи!!

В окнах второго этажа я заметил смеющихся интернатских детей. Они показывали на нас пальцами и изъяснялись между собой какими-то замысловатыми жестами. В этот момент я не придал этому никакого значения.

Всё выяснилось через пятнадцать минут.

В милицию я так и не позвонил.

Кабинет директора, где был телефон, оказался закрыт, а свой мобильный я оставил в автобусе, когда разгружал вещи.

Решив, что сообщить об ограблении я ещё успею, и стараясь успокоиться, я направился в актовый зал, где всюду шла подготовка к нашему выступлению. Зал был маленький, тёмный и плохо отремонтированный. Линолеум на полу пузырился, стены выкрашены неравномерно, с подтёками, а вместо кресел в зрительном зале стояли разномастные, потёртые стулья.

По сцене суетливо бегал Герман Львович. Он уже настроил кинопроектор, поставил на стол, покрытый зелёной скатертью, вазу с цветами, и теперь носился из угла в угол по дощатой, щелястой сцене на первый взгляд совершенно бессмысленно.

– Всё готово? – уточнил я на всякий случай, наблюдая за его передвижениями. – Можно начинать?!

– Ёпть! – привычно выругался плюгавенький Герман Львович, на секунду остановившись. – Микрофон нигде не могу найти! Что, у них тут микрофона нет, что ли?! – Он опять начал носиться по сцене, заглядывая во все углы, будто микрофон мог завалиться в какую-нибудь щель.

– Если нет микрофона, то это не страшно, – попытался я его успокоить. – У меня громкий голос, а зал очень маленький. Услышат!

– Это у вас голос громкий, – проворчал математик, – а у меня хронический ларингит – профессиональное заболевание педагогов. Я не хочу надрываться! – Он зачем-то понюхал зелёный занавес и брезгливо поморщился.

– Герман Львович, скажите, у вас ничего не пропало?

– В смысле?! – несказанно удивился он. – Что значит «не пропало»?

– Ну, деньги или личные вещи? Всё на месте?

– Да были бы у меня деньги, разве ж я здесь бы был?! – грустно усмехнулся математик. – Я бы в Анталии на пляже лежал, Глеб Сергеевич! А вещи... вот мои вещи, на мне – штаны, ремень, рубашонка, штиблеты, мозоль на пальце и шрам от аппендицита. – Он весело рассмеялся, видимо, это была его лучшая шутка в жизни.

В зал вошёл Ганс, и мы прошли с ним за кулисы. Оказалось, что там, на трёхномом стуле, прислонившись к стенке, сидела Беда и курила.

Я выхватил у неё сигарету.

– С ума сошла! Мы приехали пропагандировать здоровый образ жизни!

– Это вы его приехали пропагандировать, а я тут так, покурить вышла, – огрызнулась Эллка, но сигарету всё же затушила.

Я выглянул из-за занавеса, который отчего-то вонял копчёной рыбой. Зал постепенно начал заполняться детьми. Отчего-то это были очень тихие дети, они не орали, не гомонили и не свистели, они чинно рассаживались на стулья, с пристальным вниманием рассматривая сцену.

– Микрофона-то нет! – принялся за своё Герман. – Я как конкурсы проводить буду?! Горло надрывать?!

В первом ряду расположились педагоги и воспитатели. Оскара Васильевича среди них не было.

– Готовы? Начинаем! – скомандовал я.

– Стойте, ёпть! – шёпотом заорал Герман Львович. – А Викторина-то где?!

– И где?! – нахмурился я и огляделся. Викторины Юрьевны за кулисами не было.

– Я её в коридоре видел, она с директором интерната разговаривала, – сказал Ганс.

– Нет, без микрофона полная лажа! – гнул своё Герман Львович. – У меня голос и так казённый, а к Барнаулу я охрипну совсем!

Я почувствовал, что с удовольствием пососал бы мятный леденец, чтобы громко не выругаться.

– Ганс, у тебя ничего не пропало? – на всякий случай поинтересовался я у Гаспаряна. – Деньги, документы, личные вещи?

– Да нет, вроде, – пожал он плечами. – У меня ничего такого и не было...

– Странные вы люди, ничего-то у вас нет! Всё равно после вступления позвоню в милицию, пусть ищут этого проходимца!

Я сказал это большей частью для Элки, но она и глазом не повела, сидела и рассматривала свой маникюр бордового цвета.

И тут за кулисы ворвалась Викторина Юрьевна. Она была красная и растрёпанная, словно за ней гналась толпа хулиганов.

– Глеб Сергеич! Это чёрт знает что! – зашептала она, терзая на шее жгутом повязанный платочек. Викторине было едва за тридцать, но она невероятно старила себя манерой носить широкие длинные юбки, бесформенные блузки, бабушкины платки на шее и очки в роговой оправе. Волосы у неё неизменно были собраны в тугий пучок на затылке, а косметикой она не пользовалась даже на восьмое марта.

– Вот и я говорю, что это никуда не годится, – согласился я с ней. – Пора начинать, а вас нет! Куда вы запропастились?!

– Вы знаете, что это интернат для слабослышащих детей?! – выпучила она из-под очков глаза. – Я только что разговаривала с Оскаром Васильевичем и он сказал...

– Что-о?! – заорал я.

– Ёпть! Так вот почему у них микрофона нет! – ошарашено пробормотал Герман Львович.

– Блин-банан! – воскликнул красавчик Ганс. – Так это... они что, все глухие что ли?! А почему нас никто не предупредил?! Как же мы выступать-то будем?!

Я снова вспомнил про конфетки, которыми Троцкий заедал распивавшие его ругательства. Большая часть нашей программы была построена на прямом общении со зрителями. Я понятия не имел, что буду делать на сцене перед глухими детьми.

– Господи, ну неужели же вы не видели, что дети общаются между собой жестами?! – спросила Викторина Юрьевна, заламывая руки.

Беда беззвучно захохотала, схватилась за живот и, согнувшись пополам, с грохотом свалилась с трёхногого стула.

– Прекрати паясничать! – Я подхватил её и опять пристроил на стул. – Нет, ну что-то же они слышат! – пробормотал я, припав глазом к щели в занавесе. – Слабослышащие, это же не совсем глухие? Да?!

Маленькая доля моего оптимизма не вызвала у коллег никакого ответа.

– Викторина Юрьевна, у вас ничего не пропало? – тихо спросил я. – Деньги, документы, личные вещи?

– Хорошее настроение у меня пропало! – с горечью ответила учительница младших классов и вздохнула: – Что делать-то будем?!

– Слава богу, что мобильники спёрли, – встрял Ганс, – а то дарить телефоны глухим детям как-то не очень...

– Спокойно! – вдруг вмешалась Беда. – Глеб правильно говорит, слабослышащие, это совсем даже не глухие! Что-то они да слышат! А тем, кто не слышит, я сурдопереводом помогу!

Мы уставилась на неё.

В своём розовом мини, с розовыми губами и бесстыже-длинными загорелыми ногами Элка никак не вязалась с образом сурдопереводчицы для глухих детей.

– А вы... это... умеете сурдопереводить? – подобострастно спросил у неё Ганс.

– А чего тут уметь-то! – воскликнула Элка и сделала какие-то непонятные стремительные движения пальцами, похожие на те, которыми объяснялись дети в окне.

Может, она и дурачилась, но выбора у меня не было. В конце концов, у меня в анамнезе был полуглухой дед, который долгое время наотрез отказывался носить слуховой аппарат и с которым я натренировался разговаривать громким ором. У меня были мощные лёгкие и громовой голос. Выхода не было, надо было рискнуть.

– Только попробуй что-нибудь выкинуть! – шепнул я Беде. – Переводи, как хочешь, но чтобы дети всё поняли!

Элка радостно закивала и огладила по бокам свой розовый сарафан, давая понять, что впервые за время этой поездки ей не скучно.

Я вышел на сцену.

Беда шагнула за мной.

– Друзья! – заорал я во всю глотку. – Мы рады вас видеть!

Элка, стоявшая рядом со мной, сделала руками загадочные пассы, низко поклонилась и широко улыбнулась.

Дети в зале заулыбались, воспитатели в первом ряду недоуменно переглянулись между собой. Я поискал глазами Оскара Васильевича Сикорука, но не нашёл. Стараясь строить простые и лаконичные предложения, я продолжил:

– Мы приехали к вам с весёлым представлением, которое докажет вам, что наркотики это вред!

Я почувствовал, что краска заливает лицо. Объяснять бедным детям, которые в своей короткой жизни и так хлебнули горя, что колоться нехорошо, мне показалось глупым. Но другой программы у нас не было.

Беда изобразила укол в вену, сделала страшное лицо и, закатив глаза, стала плавно падать на сцену.

– Употребляя наркотики, вы можете опуститься и пойти по кривой дорожке, – пробормотал я под нарастающий смехок в зале.

Элка, только что свалившаяся на пол, вдруг встала на четвереньки и пошла по сцене зигзагами, мелькая, своими чёрными кружевными трусиками.

Зал взорвался хохотом, смехом и аплодисментами. Если бы я не знал точно, что это глухие дети, ни за что не поверил бы, что они могут так громко ржать.

– Платье одёрни! – зашипел я на Элку и она, стоя на карачках, одной рукой бесстыдно натянула на зад подол.

Воспитатели в первых рядах неприкрыто хмурились и о чём-то переговаривались.

– Мы бы хотели показать и рассказать вам, чего может достичь человек, если он ведёт здоровый образ жизни и занимается спортом, – уже без особого нажима на голос сказал я, так как понимал всю бредовость ситуации, в которую попал.

На это моё заявление Элка бодро вскочила, с улыбкой дебильной дуры сделала несколько высоких махов ногами, потом пару раз присела, вытягивая руки вперёд, затем вдруг начала низко наклоняться вперёд, ударяясь лбом о свои коленки. Очевидно, она изобразила производственную гимнастику.

Дети рыдали от смеха. Воспитатели недобро смотрели на сурдопереводчицу, которая, сделав неустойчивую ласточку, покачнулась на шпильках и чуть не упала.

– Давайте для начала посмотрим фильм, который расскажет, до чего могут довести молодого и здорового человека наркотики, – пробормотал я, пялясь в пол и не зная, куда девать себя от стыда.

Элка, приложив к глазам сложенные на манер окуляров пальцы, покрутила ими, словно настраивая резкость в бинокле, потом, будто увидев что-то ужасное, с громким криком отшатнулась назад и, не удержавшись на шпильках, с грохотом рухнула на дощатый пол, высоко задрав ноги и давая в полной мере лицезреть залу свои сексапильные стринги.

–ц, – не сдержавшись, тихо выругался я, и позорно сбежал со сцены под оглушительные аплодисменты.

Элка осталась лежать на сцене, конвульсивно подёргивая коленями.

– Гасите свет! – закричал я. – Запускайте фильм!

Фильмец был весёлый, но поучительный. О том, как лёгкие наркотики провоцируют употребление более сильных...

– Какой фильм?! – набросилась на меня Викторина Юрьевна. – Они же не слышат ничего!

– Зато видят! – огрызнулся я и дал отмашку Герману Львовичу, который сидел в операторской, чтобы тот запускал картину. – Пусть смотрят, хуже не будет!

Свет погас, засветился экран. Гогот в зале не прекращался ни на секунду. Судя по цокоту каблучков на сцене, озвучивая титры, Элка отплясывала камаринскую.

– Немедленно уйди со сцены! – негромко приказал я ей, но она и не подумала меня услышать. – Прекрати! – в голос заорал я.

– А с чего ради вы вздумали выражаться на сцене? – ледяным тоном поинтересовалась у меня Викторина Юрьевна. – Здесь ведь не все глухие! – язвительно добавила она.

Я опять почувствовал, что краснею.

– Извините, не сдержался. Очень уж нештатная ситуация, – процедил я сквозь зубы.

– И жену бы свою уgomонили, а то она там уже фуэте крутит, а какое это имеет отношение к содержанию фильма?

– Никакого, – мрачно согласился я с ней, – но всё ж какой-никакой сурдоперевод...

– А чё, прикольно! – засмеялся вдруг Ганс, подглядывающий из-за занавеса за тем, что происходило на сцене. – И детям нравится!

На сцене послышался грохот и новый взрыв смеха.

– Опять упала, – прокомментировал Ганс. – Это она специально падает, когда на экране наркоманов показывают!

– Чёрт знает что! – возмущённо подёрнула платочек на шее Викторина Юрьевна.

– А, будь что будет! – обречённо махнул я рукой и присел на трёхногий стул.

Дальше в программе был кукольный спектакль, который мастерски исполняла Викторина, ловко орудуя куклами, одетыми сразу на две руки. Сценки были написаны лично Викториной, и она очень ими гордилась.

После кукольного спектакля мы с Гаспаряном должны были изобразить на сцене показательный бой в стиле каратэ, потом Ганс устраивал на сцене сеанс бодибилдинга, демонстрируя свои безупречные мышцы. Я должен был стоять рядом и объяснять, какие мышцы и как правильно прокачиваются. В конце программы Герман Львович проводил много весёлых конкурсов, победителям которых вручали ценные призы.

Половина этой программы летела к чёртовой матери, потому что аудитория ничего не слышала, вторая половина не могла состояться по той же причине, плюс украденные телефоны, которые и были призами.

У меня голова шла кругом!

А Элка беззаботно выкаблучивалась на сцене.

Поднявшись по боковой лестнице, за кулисы вдруг ворвалась пожилая дама в тёмном костюме и белой блузке с пенящимся у горла жабо.

– Я не понимаю, что происходит! – перекричав хохот в зале, возмущенно воскликнула дама, обращаясь ко мне. – Вы что, артисты погорелого цирка? Тогда при чём тут фильм о наркотиках?! Очень странная и разнузданная клоунада! – кивнула она в сторону сцены. – Ваша девушка в розовом растлит наших сирот! А вы, вы что себе позволяете?! Почему материтесь на сцене, словно сапожник?! – она обличительно ткнула в меня пальцем с нанизанным на нём перстнем с огромным янтарём.

Я жвал голову в плечи и вытер о джинсы вспотевшие руки. Мне хотелось провалиться сквозь землю перед этой благообразной тётушкой, словно я был не завучем средней школы, а второклассником, попавшимся на курении в туалете.

Викторина Юрьевна, глядя на меня, нехорошо усмехнулась, и только Ганс поспешил на помощь.

– Так это, у вас тут никто не слышит ничего! У вас же дети глухие! А когда Глеб Сергееч ругнулся в сердцах, Элла этого не переводила!

– Кто вам сказал, что наши дети глухие? – нахмурилась воспитательница.

– Так это... – Ганс уставился на Викторину Юрьевну.

Я тоже хмуро посмотрел на неё. Кровь пульсировала в висках от бешенства. У Викторины порозовели щёки, и она отступила назад, словно хотела спрятаться в складках тяжёлого занавеса.

– Как же, как же... – пробормотала она. – Мне Оскар Васильевич сам сказал...

– У нас есть группа слабослышащих детей, – ледяным тоном произнесла воспитательница, – но их всего тринадцать человек. Остальные все – нормальные дети! Но даже те, кто плохо слышит, отлично умеют читать по губам! Я не понимаю, зачем вам понадобился этот цирк, этот балаган, этот разврат, этот...

– Чёрт! – Я выскочил на сцену, сгрёб в охапку Беду и утащил её за кулисы под громкие аплодисменты и хохот зала. Она так вошла в раж, что кривлялась даже будучи у меня в руках.

– Сиди тихо, – приказал я ей и усадил на стул. По моему тону она поняла, что лучше не спорить, вздохнула и села с видом примерной девочки, сложив на коленях руки.

– Где Оскар Васильевич? – спросил я у воспитательницы. – Почему директора нет в зале? Позовите его, я сейчас всё ему объясню!

– А по-моему, всё хорошо получилось, – не очень уверенно заявил Ганс. – Сам знаю, как иногда полезно поржать с товарищами в общественных местах...

– Замолчи! – прикрикнул я на него, но Ганс уже сам понял, что перегнул палку и закрыл рот.

– Ну как же, Оскар Васильевич сам сказал... – пробормотала Викторина, надевая на руки кукол – Вини Пуха и поросёнка. – Он сам сказал, что дети глухие!

– Вы нас удивили. И очень расстроили, – вынесла свой вердикт воспитательница. – Вроде бы приличные люди, столько полезных подарков привезли детям, а такое сотворили, что всё впечатление...

– Помогите!!! – вдруг раздался истошный вопль Германа Львовича со стороны операторской. – Помогите! Спасите! Убили, мать твою, ёпть!..

Я ринулся на крик через тёмный, притихший зрительный зал.

– Детей из зала не выпускать! – крикнул я на бегу строгой тётке в жабо.

Совершенно немыслимым образом Беда оказалась бегущей впереди меня.

Судя по топоту ног за спиной, за мной бежали все – и Викторина, и Ганс, и воспитатели, и дети-сироты.

– Уби-или! – блажил Герман Львович. – Совсем, напрочь, абсолютно убили-и, а-а-а-а!

Он был жив и невредим – плюгавенький учитель математики Герман Львович Абросимов.

Увидев его возле операторской, я вздохнул с облегчением и перевёл дух.

– Ну вот, а вы переживали, что микрофона нет! Вон как орёте! Что, ненароком мышью задавили? – попытался пошутить я, но тут же осёкся.

Абросимов, которого дети в школе дразнили Обмороком, был бледен до синевы, губы у него тряслись, руки судорожно ощупывали горло, будто он задыхался, а глаза бессмысленно и дико пялились в пол, где лежал...

Сначала я увидел только пыльные коричневые ботинки, потому что рядом с тем, кто лежал у ног Германа Львовича на корточках уже сидела Беда, спиной заслоняя тело. Она что-

то делала с этим телом – щупала пульс на запястье, на шее, приподнимала веки, разглядывала зрачки...

Несколько женских голосов пронзительно и в унисон завизжали.

Толпа, лавинообразно заполнившая коридор, сгрудилась вокруг тела.

– Всем отойти и ничего не трогать, – рявкнул я и начал оттеснять детей и взрослых от коричневых пыльных ботинок.

– Мёртв! – сообщила Беда, посмотрев на меня поверх очков и приставив к горлу разведённые буквой «V» пальцы. Видно, сурдоперевод стал входить у неё в привычку.

– Уби-или! – изумлённо протянули несколько детских голосов сразу.

– О, боже мой! – Викторина Юрьевна схватилась за бледные щёки руками, на которых были надеты Винни и поросёнок. – Не может быть! Этого не может быть!

Я присел на корточки рядом с телом.

И в отчаянии закрыл руками лицо.

Я предпочёл бы десять раз быть обворованным подозрительным парнем по имени Дэн, предпочёл бы снова оказаться идиотом на сцене, только бы не видеть того, что увидел.

– Это Оскар Васильевич! – сказала Беда, отдирая от моего лица мои руки.

– Сам вижу.

– Его задушили!

– Сам вижу.

– Его задушили ремнём от собственных брюк!!

– Не слепой!

Розовая рубашка директора интерната самым жутким и нелепым образом гармонировала с розовым сарафаном Беды.

– Пока кинопроектор работал, я покурить вышел, – дрожащим голосом сообщил Герман Львович и кивнул на соседствующую с операторской дверь, которая оказалась дверью мужского туалета. – Выхожу, а он тут лежит... Мёртвый, синий! Ремень на шее... Я и заорал. Сразу скажу – ничего не видел, ничего не слышал, вот вам крест! – Он заученно перекрестился и затравленно огляделся, будто ища подтверждение, что ему все поверили.

– Нужно вызвать милицию! – сдавленно сказал из толпы женский голос.

– Детей уведите! К телу не подходите, следы затопчете! – крикнул я, но тут же махнул рукой – какие тут к чёрту следы, если сотни ног уже потоптались на месте преступления. Тем не менее, что-то стало происходить вокруг, педагоги справились с ситуацией, и толпа детей организованно потянулась вниз по лестнице, на первый этаж. Через минуту рекреация опустела.

Я ещё раз посмотрел на Оскара Васильевича.

Пиджачок нараспашку, в брюках нет ремня, – он затянут на шее, и под ним видна страшная, бурая полоса. Глаза закрыты, под ними залегли тёмные тени, лицо синюшное, а между полосками тонких губ торчит синий язык. Неприятнее зрелища я в жизни не видел, особенно если учесть, что всего час назад это был весёлый, жизнерадостный дядька, от гостеприимства которого было трудно отбиться.

– А может, он сам повесился? – прошептала Викторина у меня за спиной, всё ещё держа у своих щёк Винни и поросёнка.

– Ага, снял ремень и так на шее бантиком завязал, что задохнулся, – усмехнулась Беда. – Не несите чушь, Викторина Юрьевна. Его задушили. Тебе не кажется странным, что человек вышел из туалета, вытащил из штанов ремень, отдал его убийце и дождался, пока тот задушит его? – обратилась Элка ко мне.

– Ничего мне не кажется! – с горечью сказал я, встал и отошёл от тела к окну, где за стеклом всюду разгулялся летний, погожий день. Пели птицы, светило солнце, беззаботный ветер трепал глянцевую листву высоких деревьев.

Приятное путешествие превращалось чёрт знает во что.

Сначала я свалил дурака, подсадив в автобус какого-то проходимца, потом не проверил информацию Викторины и выпустил на сцену Беду, а теперь... теперь этот задушенный ремнём Сикорук. Хорошо, что вся наша команда во время убийства была у всех на виду. Кроме Германа Львовича, разумеется, но вряд ли кому придёт в голову заподозрить в убийстве бледного, трясущегося от страха, физически слабого Обморока.

Чёрт, ну почему этого Оскара не убили, к примеру, вчера, когда нас здесь ещё не было?..

Подлая это была мыслишка, но, каюсь, она пришла мне в голову в эту минуту.

– Человек, который задушил директора интерната, был физически сильный, – словно прочитав мои мысли, сказала Беда. – А ещё, Оскар Васильевич хорошо знал убийцу, иначе как бы он подпустил его так близко к себе, да ещё вручив при этом собственный ремень!

– Встань! – со стоном сказал я. – Встань, пожалуйста, и отойди от тела! Кому надо, те разберутся во всём без тебя.

Она и не подумала меня послушаться, впрочем, я на это особо не надеялся.

– Герман Львович, вы не заметили, директор в актовый зал заходил? Он оттуда в туалет вышел? Или он в зал вообще не заходил?!

– Да не знаю я! – взвыл Герман Львович. – Не видел! Говорю же, вышел покурить, пока кино крутится, а он тут лежит, ещё тёпленький!

– Вы что, щупали его? – не удержался я от вопроса.

– Нет, да... то есть не щупал, конечно! – покраснел математик. – И так было видно, что он готов. Я образно выразился, насчёт «тёпленького».

– Вы, главное, при милиции образно не выражайтесь, – посоветовала Беда. – А слышать вы ничего не слышали? Шум, шорох, крики, подозрительную возню?!

– Не-ет! Не слышал! Здоровьем клянусь, покурить вышел, а он тут тёп... задушенный насмерть лежит! – Кажется, Герман был близок к истерике. В отличие от Беды, он вовсе не хотел восстанавливать все подробности происшествия – вспоминать, анализировать и делать какие-то выводы. Виктория Юрьевна и та выглядела спокойнее, чем математик.

Ганса нигде не было видно, наверное, он пошёл вызывать милицию.

Я подошёл к Элке, взял за плечи и заставил подняться.

– Прошу тебя, умоляю, – сказал я, глядя ей прямо в глаза, – не лезь с таким упорством не в своё дело. Не выспрашивай, не вынюхивай, не приставай к людям, не... создавай нам новых проблем!

Зная Элку, я имел полное право так говорить. Её замашки криминального репортёра плавно деформировались в пошлый энтузиазм сочинителя детективов, который в каждой мелочи видит подсказку к загадочному, леденящему душу сюжету.

А тут такая «добыча» – труп!

Задушенный брючным ремнём!!

И не где-нибудь – в интернате для бедных сирот!

И не кто-нибудь, а директор!!

Если честно, меня немного пугала Элкина страсть ко всему криминальному.

Помнит ли она, что директор был добродушным, жизнерадостным дядькой, который кормил нас пирожками с капустой? Помнит ли она, как он радовался спонсорскому телевизору, видеоплееру и другим подаркам?! Помнит ли, что у него было замечательное, редкое и смешное имя?..

Или он стал интересен для неё, только став трупом со стрингуляционной полосой на шее?!

Я ещё раз заглянул Элке в глаза, пытаясь разглядеть её до печёнок, до самых недр непонятой мною души...

– Мог ли это сделать воспитанник интерната? – задумчиво спросила у меня Элка. – Какой-нибудь шестнадцатилетний бугай, у которого был зуб на директора?! Чёрт, я бы с удовольствием поговорила с детьми, они много что знают, могли бы дать ниточку...

– Лучше бы ты сурдопереводом занималась! – Я оттеснил Беду от тела к подоконнику. Мне было неприятно, что на нас смотрят Викторина и Герман. Мне даже было немного стыдно, что Элка меня не слушает, продолжая гнуть свою линию.

– Иди хотя бы переоденься, – процедил я сквозь зубы.

– Хорошо, господин, – дурашливо потупив глаза, ответила Элка и, покачиваясь на свих каблуках, пошла вниз по лестнице, на первый этаж, – туда, где находилась наша комната.

Все принятые в таких трагических случаях формальности были соблюдены.

Специальные службы упаковали тело в чёрный пластиковый мешок и увезли.

В интернате стояла зловещая тишина, дети сидели по своим комнатам, воспитатели собрались на кухне, одни плакали, другие шептались, атмосфера трагедии витала в воздухе; трагедии и настороженного недоверия к обитателям родного дома, которым был интернат – кто?

Кто мог это сделать?!

Оперативники небрежно и наскоро всех опросили. Их заинтересовала наша команда, но, выяснив, что все мы во время убийства находились в актовом зале, менты потеряли к нам интерес. Чуть дольше они пытали бедного Германа Львовича, но и его отпустили, поняв, видимо, что Обморок не способен и мухи обидеть.

Беда не провела в комнате, где оперативники опрашивали свидетелей, и пяти минут. Она вылетела оттуда злая и красная, но на мои расспросы, чем её разозлили местные Пинкертоны, фыркнула только: «Козлы деревенские! Повесят труп на местного алкоголика и дело с концом».

Больше я не смог от неё ничего добиться.

Думаю, Элка попыталась дирижировать следствием, но деревенские опера только посмеялись над ней и выгнали. Одно радовало: она сменила легкомысленный сарафанчик на привычные джинсы и майку.

В семь часов вечера мы погрузились в автобус и двинули в путь. Настроение у всех было ни к чёрту. Только Ганс напевал под нос какую-то заунывную армянскую песню, да Рон поскуливал ему в унисон.

Следующим пунктом нашего назначения было село Бобровниково. Посоветовавшись, мы решили, что, отъехав от Тайменки сто километров, разобьём для ночёвки лагерь, чтобы отдохнуть от дневных переживаний и хорошенько выспаться. Элка была единственной, кого не выбил из колеи сегодняшний день. Как только мы тронулись в путь, она уселась с ногами на свою полку, достала тетрадь и что-то застрочила в ней куцом, плохо отточенным карандашом.

Творческий кризис удрал от неё, словно пугливая мышь при внезапно включенном свете. А вместе с ним удрала и Элкина скука.

* * *

Это было светопреставление.

Я проснулся от того, что замёрз.

Вылез из шалаша, который наскоро соорудил накануне вечером из веток, и... глазам своим не поверил.

На зелёной траве, на изумрудной листве деревьев, на пенёках, на кустарнике, на сухих ветках прошлогоднего сухостоя – везде, где только мог обозреть глаз, – лежал снег. Он мерцал в лучах утреннего солнца, ослепляя своей белизной.

– Элка! – стуча зубами от холода, я потряс за плечо Беду, которая спала рядом, на надувном матрасе. – Элка!!!

– М-м-м, – промычала она, повернулась на другой бок и громко всхрапнула.

Разбудить Беду, когда её организм требовал сна, было практически невозможно, но у меня были кое-какие навыки.

– Рота подъё-о-ом!! – заорал я так, что несколько веток упали на меня с «потолка».

– Что?! Где?! А?! – Она резко села и, не открывая глаз, интенсивно завертела головой по сторонам, изображая интерес и внимание.

– Элка! Снег выпал! – поделился я с ней удивительной новостью.

Беда, так и не открыв глаза, повалилась на спину, на матрас.

– Ну и что?! – простонала она. – Бизя, ты что – негр, чтобы так снегу радоваться?!

– Так июнь на дворе! Лето!

– Э-э, Бизя! – Элка опять села, протёрла кулаками глаза и, наконец, с трудом разлепила веки. – В тебе говорит типичный житель югов! Снег в июне, в Сибири и на Алтае – обычное дело. Чему тут удивляться? Нормальное малоснежное лето... – Она высунулась из шалаша и покрутила головой, обозревая окрестности.

Стояло раннее утро. Солнце стеснительно примерялось – топить такую снежную красоту или нет. Птицы устроили наверху весёлый переполох. Было в этом лесном пейзаже нечто монументальное. Я почувствовал себя маленьким и никчёмным.

– Впрочем, я с тобой абсолютно согласна, – вздохнула Беда, – лето и снег – понятия несовместимые. Может, после монгольской границы махнём в Испанию на виллу твоего деда?

– Может, и махнём, – неожиданно согласился я. – Новогодний пейзаж в июне даже для меня – чересчур!

Вчера мы разбили лагерь в лесочке, недалеко от дороги.

Мы с Германом развели костёр, на углях пожарили мясо, запекли картошку. Несмотря на все неприятности этого дня, аппетит у всех оказался зверский. Даже у Элки, хотя она всегда святым духом питалась. Герман, правда, сдобрил свою трапезу водочкой, которую неведомо как достал и неизвестно где прятал.

– Нервишки что-то пошаливают, – пробормотал Обморок, наливая в пластиковый стакан водку. – Денёк был тяжёлый... Помянем добрейшего Оскара, пусть земля ему будет...

Не предложив никому к нему присоединиться, он один за другим выхлебал три стакана водяры и, покачиваясь, ушёл спать в автобус.

Ганс с Викториной затеяли петь у костра под гитару бардовские песни. Рон стал им подвывать. На словах «милая моя, солнышко лесное» Беду перекосило, и она увлекла меня в лесную чащу «протоптать пару-тройку лишних тропинок и попугать медведей».

В лесу, воспользовавшись её кротостью и добрым расположением духа, я поймал Элку за плечи, прижал к себе.

– Вообще-то, я не евнух, – сообщил я жене на ухо.

– Да-а?! – удивилась она. – Тогда хочу номер люкс!

– Умеешь ты ставить задачи. – Я тоскливо огляделся вокруг. Только Элка могла потребовать для любви номер люкс в глухом и тёмном лесу.

– А что? В автобусе дети, старые девы и тихие алкоголики. Не будем же мы их смущать. А ну-ка, Бизя, построй нам шалаш! Да побыстрее, пока короткая летняя ночь не кончилась!

Задача была не из трудных, и я энтузиазмом взялся за дело. Я ломал ветки, крушил сухие деревья, я складывал их, сплетал, утрамбовывал, оглаживал, чтобы из конструкции не

торчали лишние детали. Как первобытный двуногий самец, как молодое животное, я честно вил гнездо для своей самки, чтобы заняться любовью. Я развил такую скорость в достижении цели, что лес ходил ходуном, ветки трещали, а всё живое, что было в лесу, разлетелось и разбежалось, потому что напор и сила, с которой я взялся за дело, пугали даже меня самого.

Наконец, он был построен – мой первый в жизни шалаш. Он был слегка кособок, немного щеляст и отдалённо напоминал фрагмент масштабного лесоповала, но в целом это был райский уголок, это был – номер люкс!

– Клёво, – сказала Элка, обойдя сооружение и осторожно заглянув внутрь. – Не думала, что ты подойдёшь к задаче с таким размахом. Bravo! Ещё бы очаг и шкуру мамонта сюда подогнать...

Я зарычал, схватил её в охапку и уволок в тёмное, пахнущее хвоей нутро шалаша.

– Стой! – захохотала она. – Стой, первобытный маньяк! Я сейчас схожу в автобус за надувными матрасами, не на земле же грешить... – Я не успел глазом моргнуть, как она вывернулась и убежала, оставив в воздухе лёгкий аромат своих сигарет.

Через минуту я позорно заснул. Наверное, темп, взятый мною при строительстве лесного сооружения, был слишком быстрый. Организм мигом утратил все потребности кроме сна. Когда пришла Элка, я не помнил.

Ночь любви, так и не состоявшись, сменилась снежным, бодрящим утром.

Беда, полюбовавшись на снег, уже снова спала, прикрывшись тонким байковым одеялом. Холод не особо тревожил её.

– Эх, Элка, Элка! Никакого секса, сплошные осадки, – вздохнул я и вылез из шалаша.

И сразу услышал дикий крик в глубине леса. Сердце выдало маленький перебой, а озноб пробрал с большей силой. Человеческий вопль взлетел вверх, затих где-то в верхушках деревьев и тут же повторился вновь, с новой силой и новым накалом.

Я схватил с земли увесистое полено и побежал на крик. Снег скользил под ногами, несколько раз я едва не упал. На каком-то отрезке пути ко мне с залиvistым лаем присоединился Рон.

– Йя-а-а-ах! – орал кто-то в лесной глуши. – Уй-я-а-а-а!

Я пробежал мимо автобуса, мимо угасшего костра, перескочил пару поваленных сосен, чуть не влетел лбом в крепкий ствол какого-то дерева, я добежал до полянки, откуда раздавался нечеловеческий крик... и остановился как вкопанный. Рон тоже замер, перестав, кажется, даже дышать.

На заснеженном, ровном пространстве, спиной ко мне, стоял Герман Львович. Из одежды на нём были одни только плавки. Он пригоршнями зачерпывал снег и растирал им плечи, живот, грудь и спину. С каждой новой пригоршней, которую он обрушивал на себя, Герман орал как резаный, и лесное благодарное эхо уносило этот вопль далеко-далеко, многократно усиливая его по каким-то неписанным, лесным законам.

– И-и-их-ха-а-а-а!! А-а-а-а! – орал Обморок, срываясь на визг.

Я отбросил полено в сторону. И тут понял, что меня поразило больше всего. Тело у математика было крепким, подкачанным и загорелым. Хорошие бицепсы, правильный торс с «кубиками» на животе, отличные икроножные мышцы, крепкая задница и ляжки как у атлета.

Я даже дар речи потерял от такого открытия. Предположить, что под мешковатой одеждой Герман прячет такую красоту, было невозможно.

– Неожиданный способ опохмелиться, – тихо сказал я Абросимову.

Он вздрогнул, как красна девица, которую застали, в чём мать родила, и суетливо прикрылся руками – одной заслонил грудь, другую пристроил пониже пояса.

– Ох, ё! Напугали... А я, знаете ли, люблю с утра свежим снежком обтереться, – засмущался математик, не отрывая от себя рук. – Бодрит как-то, освежает и настраивает на добрый лад...

– Вот уж не думал, что вы любитель холодных компрессов. И рельеф у вас как у Ван Дамма. А числитесь в хлюпиках! – Я обошёл вокруг Германа, оглядывая его с головы до ног.

– Я это... только с виду такой, – Герман не знал уже как прикрыть себя и перекинул руки в другом направлении, прикрыв зад и плечо. – А вообще-то, у меня язва, холецистит и ещё одно мужское заболевание... – Он, наконец, схватил свою одежду, развешенную на ветках, и быстро оделся. – Кхе-кхе, – зачем-то покашлял он.

Я развернулся и пошёл к автобусу. Рон побежал за мной.

Не нравилось мне всё это.

Обычно люди стараются казаться лучше, чем они есть. Но никак не наоборот.

– Глеб Сергеич, может, костёр развести? – нагнал меня математик и заискивающе заглянул в глаза. – Позавтракаем, погреемся и поедем.

– Разведи, – согласился я. – В Бобровниково нужно не позже двух часов дня успеть.

Пока он возился с костром, я зашёл в автобус, чтобы достать к завтраку консервы и хлеб.

Ганс спал на верхней полке, раскинувшись на спине. Викторины нигде не было. Я взял рюкзак с продуктами из-под стола и уже собрался было уйти, как вдруг услышал приглушённый голос из туалета. Немного поборовшись с собственной совестью, я прошёл в грузовой отсек и припал ухом к двери сортира.

– Да, милый, да, дорогой! Да, я соскучилась, и мне всё это надоело. Ты же знаешь, что мне эта поездка поперёк горла стоит! Я бы лучше с тобой, на Мальдивы... Да, я всё сделаю. И скоро это закончится. Ну, не волнуйся, всё будет нормально. Господи, ты ревнуешь? Да он абсолютно не в моём вкусе! Мужлан, быдло... Вчера матюгнулся прямо на сцене перед детьми, представляешь? Я еле сдержалась, чтобы не помереть со смеху! Жесть! Марик, я вернусь, и мы поедем с тобой на Мальдивы! Потерпи недельку! Целую и туда, и туда, и туда. Я справлюсь, вот увидишь, всё закончится замечательно! – Голос несомненно принадлежал Викторине, но я не мог в это поверить.

Лаптева слыла в школе старой девой и синим чулком. Классической старой девой и самым что ни на есть синим чулком. Нескладная, немодно одетая, с пучком пегих волос и очками с толстенькими стёклами. Дети звали её Чучундра. Когда в школе встал вопрос о проведении уроков сексуального воспитания, она сама выдвинула свою кандидатуру на дополнительные часы. Но тут даже Ильич, падкий до добровольной и безотказной рабочей силы, вдруг воспротивился.

– Вы это... того, малость не в теме, – хмыкнул он и поручил вести уроки бойкой и симпатичной Лильке-трудоличке.

И вдруг, этот синий чулок, эта Чучундра, эта черепаха в очках, у которой денег и фантазии не хватает даже на губную помаду, нежно лопочет по телефону, целует «и туда и туда и туда» какого-то Марика, который ревнует её ко мне, и который не прочь потратиться на Мальдивы!..

Я вышел из автобуса в полном недоумении. Из всего услышанного я сделал один безусловный вывод – Викторина по неведомой мне причине меня недолюбливает. То есть настолько неважно ко мне относится, что даже не даёт разгуляться лёгкой ревности своего поклонника.

– Тьфу, – сплюнул я на снег, накопившийся негатив утренних открытий.

У костра уже сидела Элка и, обхватив себя руками за плечи, тряслась от холода. Я скинул с себя джинсовку и набросил ей на плечи.

– Сгребаемся и уезжаем, – хмуро приказал я Герману Львовичу. – Гасите костёр, позавтракаете в автобусе.

Раздражение во мне нарастало, перерождаясь в тихую злость.

Снег, хорошо прокачанный торс математика или любовные страсти Викторины – чёрт знает, что было тому причиной?!

– Ну ты, командир, и изверг! – весело закричала Элка и вприпрыжку помчалась в автобус.

Герман, вздохнув, начал тушить костёр.

– Рон! – позвал я собаку. – Поехали! К чёрту эту природу...

К полудню солнце жарило так, что мы открыли все окна.

От снега и следа не осталось.

Мимо проносились зелёные луга, извилистые голубые реки и лесные массивы, белевшие стволами берёз. На небе не было видно ни тучки.

Голубая лента асфальта летела нам под колёса стремительно и легко, словно это была игра такая – наматывать на колёса километры отличной, ровной дороги.

– Снег падает на всех, все падают на снег! – распевала громко Беда.

Я пустил её за руль в обмен на обещание, что она больше не будет приставать ко мне с просьбами заходить во все захолустные магазины в поисках её детективов.

– Все падают на снег, снег падает на всех! – орала она.

Настроение моё улучшилось вместе с погодой.

Чёрт с ними, с Викторинной и Германом, мне с ними детей не крестить. Элке я ничего про свои «открытия» не рассказал: её хлебом не корми, дай узреть во всём какую-то тайну.

В зеркало заднего вида я видел, как Ганс и Герман резались за столом в карты. Викторина, подперев кулачком подбородок, отрешённо смотрела в окно. Наверное, она мечтала о Мальдивах и своём Марике... А ещё я вдруг увидел, что на хвосте у нас висит белая «Тойота-Авенсис». Она не обгоняла нас, но и не отставала – ехала метрах в десяти, надоедливо наступая на пятки.

– Снег падает на всех! – пела Беда в водительском экстазе.

– Элка, ну-ка притормози, – тихо попросил я.

– Что?!

– Скорость сбавь! Мне не нравится белый унитаз на колёсах, который не торопится нас обогнать.

– У тебя мания, фобия и психоз, – пожала плечами Беда, но притормозила и прижалась к обочине.

Японка в точности повторила её маневр.

– А ну-ка, вжарь теперь с обгоном по встречной! – приказал я.

Закусив губу, Элка газанула и крутанула руль влево. Врубив дальний свет, чтобы шугануть встречные машины, она пересекла сплошную разделительную полосу и обогнала фуру с прицепом.

Японка, прикрывшись нашим автобусом, проделала всё то же самое и опять маячила сзади на выбранном ей расстоянии.

– Похоже, ты прав, – сказала Беда, глядя в зеркало заднего вида, – они висят у нас на хвосте, не особо скрываясь. Как ты думаешь, что это? Нас решили ограбить среди белого дня?!

– Да нет, нас просто тупо и бездарно пасут, только кто и зачем – непонятно.

– Номера видишь?

– Заляпаны грязью.

– Кто за рулём?

– Лобовик затонирован, ничего не видно.

– Ну и дела... Слушай, а может, мы с тобой всё выдумываем? Ну, пристроился мужичок за автобусом и шкандыбает себе потихонечку. Я сама так иногда делаю, когда не хочу, чтобы меня гайцы сцапали.

– Придётся проверить так это, или нет.

– Как?!

– Тормози на обочине. Я открою капот и сделаю вид, что заливаю в радиатор воду.

Без лишних слов Беда выполнила мои указания. Я вышел из автобуса и полез под капот. Японка промчалась мимо.

– Ну что я тебе говорила? – облегчённо вздохнула Элка и помахала рукой вслед «Тойоте».

– И чего стоим? – из салона высунулся Герман Львович. – Что водичка в радиаторе закипела? Эх, барахло буржуйское, этот автобус! Хотите, я за руль сяду? У меня энергетика хорошая, механизмы не перегреваются.

– Ой, только не это! – Элка в ужасе округлила глаза.

Абросимов обиженно засопел и скрылся в салоне.

Я вытирал руки ветошью, когда Элка вдруг зашептала:

– Бизя! Белая «Тойота» возвращается!

Я оглянулся. По дороге, в обратном направлении, мчалась знакомая японка с грязными номерами и затонированными стёклами.

– В кабину! – крикнул я Элке и вскочил за руль.

– Мы удираем? – весело спросила она, когда я рванул с места.

– Да чёрт его знает... Если этот летучий голландец снова повиснет у нас на хвосте, придётся остановиться и набить ему морду!

– Очень конструктивно! – фыркнула Элка. – А вдруг там бандиты, вооружённые до зубов?! Снег падает на всех, все падают на снег! – снова запела она. По-моему, её ничуть не смутила мысль, что нас преследуют какие-то головорезы.

Я посмотрел в зеркало, – сзади тащился гружёный углём грузовик и осторожная маленькая «Ока». Японки и в помине не было. Я успокоился. Кажется, я стал мнителен и пуглив, как кисейная барышня.

Минут пять Элка пела, потом снова стала проситься за руль.

– Пусти, не будь сволочью! Ты специально придумал это преследование «Тойотой», чтобы прогнать меня от штурвала?!

– Отстань, – отмахнулся я. – Автобус это тебе не легковушка. Тут рулевое тяжёлое, тормоза тугие, габариты огромные.

– Ну не будь сволочью, дай порулить писательнице! Я и с самолётом справлюсь, не то, что с автобусом, ты же меня знаешь!

Я засвистел и сбавил скорость. Мы въезжали в какую-то деревушку, название которой я не успел рассмотреть.

– Стой! – вдруг заорала Беда.

Я и не подумал затормозить, думая, что это очередная Элкина уловка, чтобы попасть за руль.

– Да стой же ты! Там на остановке, кажется, стоит Дэн!!

Я резко ударил по тормозам и дал задний ход.

– Глеб Сергеевич, вы с ума сошли?! – заорала Викторина. – Вы забыли, что в салоне люди, а не дрова? Я виском ударила, колено поцарапала и чуть локоть не вывихнула!

– Шишки и синяки – это так эротично, Викторина Юрьевна! – закричала в ответ Беда.

Мы остановились возле жалкого подобия остановки. Ветхая крыша и грязная лавочка, указывали на то, что здесь останавливаются рейсовые автобусы. Возле лавки, и правда, стоял

Дэн. Увидев жёлтый «скул бас», он приветственно помахал рукой. Чувствуя, как ярость начинает пульсировать в висках, я выскочил из кабины и схватил его за грудки.

– Куда дел телефоны, урод?! Продал?! Что, решил нажиться на бедных сиротах? Ну и как, много удалось выручить?! Много?! – Я тряс его, не ощущая сопротивления мощного тела. Дэн с искренним изумлением смотрел на меня, в его глазах присутствовала скорее насмешка, чем страх или замешательство. Краем глаза я видел, как из автобуса высыпала вся наша команда во главе с Элкой. Ганс удерживал за ошейник Рона.

– Эй, Бизя, предлагаю вести беседу цивилизованно, – потянула меня за рукав Беда.

Но меня уже понесло. Я размахнулся, чтобы ударить этого гада в челюсть. Он мастерски ушёл от удара, и мой кулак просвистел в воздухе. Корпус у меня непроизвольно ушёл вперёд, где нарвался на железный тычок под дых. Пресс у меня неслабый, поэтому сбить мне дыхалку Дэну не удалось. Я всё же достал его хуком слева, вскользь, но достал. Он отлетел к лавочке. Тут же вскочил и провёл приём, знание которого я от него не ожидал. Я оказался на земле, Дэн верхом на мне. Он вяло и не очень охотно ударил меня в бок. Я с большим энтузиазмом залепил ему в рыло. Он, слегка распалившись, провёл болевой захват, выкрутив на излом мою ногу. Я лягнул его второй ногой и выкрутился из захвата с лёгкостью профессионального бойца, участвующего в боях без правил. Оказавшись сверху, я перехватил его шею согнутой рукой и попытался взять на удушение. Он оказался твёрдый калач и, прижав подбородок к груди, не дал мне добраться до заветного «яблочка». Я попытался немного, плюнул на удушение и попробовал сделать двойной нельсон.¹ Но Дэн угадал мой замысел раньше, чем я успел что-либо предпринять, вывернулся как ящерица, вскочил на ноги и пнул меня по ляжкам несколько раз с размеренностью и стремительностью отбойного молотка. Я умел держать такие удары, но, честно говоря, не ожидал, что он так мастерски ими владеет. Ляжки миглом заныли, ноги стали подкашиваться, от бешенства потемнело в глазах. Я бросился ему в ноги, снова свалил на землю и стал дубасить старым русским способом – кулаком по морде. Он уворачивался довольно резво, но пару-тройку раз я его хорошо достал.

– Слышь, ты, Федя Емельяненко,² кончай мочилово, давай дипломатично поговорим, – предложил наконец Дэн, еле ворочая разбитой губой.

Я осмотрел дело рук своих и остался доволен. С меня, правда, тоже капала кровь, но и бывший попутчик был разрисован. Впрочем, некоторая ассиметрия мне у него не понравилась – под правым глазом фингал был сочный и свежий, а под левым какой-то невнятный. Я размахнулся, чтобы устранить эту несправедливость, но тут...

Никогда не прощу Элке того, что она сделала.

На нас с Дэном обрушился холодный водопад. Он отрезвил и напрочь отбил желание драться. Жидкость была какая-то странная, она пенилась, пузырилась и очень знакомо и приятно пахла.

– Пиво?! – удивлённо спросил лежавший подо мной Дэн и облизал мокрую руку.

– Жигулёвское, разливное... – Я понюхал мокрый рукав рубашки.

Позади нас стояла Беда с пустой канистрой и счастливо улыбалась.

Рон тьякнул, потом заскулил и оглянулся на Ганса, который удерживал его изо всех сил.

Герман Львович почему-то застенчиво улыбался.

Викторина пожала плечами и ушла в автобус с гордо поднятой головой, давая понять, что кулачный бой в чистом поле не по её части.

И только Элка светилась от счастья.

¹ Двойной нельсон – прием в вольной борьбе, когда просовывая руки сзади через подмышки соперника, атлет давит ему на шею и затылок сведенными кистями.

² Фёдор Емельяненко – трехкратный чемпион мира по боевому самбо, четырехкратный абсолютный чемпион мира по боям без правил по версии «Прайд»

Непристойно завоняло солодом.

– Откуда дровишки? – кивнул я на канистру и встал с Дэна.

Он тоже поднялся и отряхнулся.

– Не поверишь, в грузовом отсеке нашла, в холодильнике. Наверное, Герман Львович потихоньку в Тайменке заправился. Да, Герман Львович?! – обратилась Беда к математику. Обморок ещё больше засмущался, покраснел и молча ретировался в автобус.

– Чёрт! – я выхватил пластиковую канистру у Элки из рук и пинком отфутболил её в чистое поле, расстилавшееся за остановкой.

– Что, Федя, рота втихушку квасит?! – захохотал Дэн. – А как же здоровый образ жизни, который ты так пропагандируешь?! Как же физкультура и спорт?! Кстати, о каких телефонах тут шёл базар? Я что-то не понял.

– Ты украл сотовые. – Я снова вплотную подошёл к нему и уставился прямо в глаза. Оба мы были насквозь мокрые, с разбитыми рожам. – Телефонов было тридцать штук, мы везли их в подарок детям.

– Я ничего не крал, – спокойно и твёрдо ответил Дэн, не отводя своих стальных глаз. – Запомни, я не брал телефоны! – Он даже сделал шаг вперёд, и теперь мы стояли нос к носу, как два петуха в стойке.

– Чем докажешь?

– Ты должен поверить мне на слово.

– Я тебе ничего не должен. Коробка с телефонами стояла в грузовом отсеке. Ты ушёл в туалет и торчал там двадцать минут. Что ты там делал?!

– Брился. – Дэн словно фокусник достал из кармана джинсового жилета опасную бритву, открыл её и сунул мне под нос. Я невольно отшатнулся. Своим блеском лезвие бритвы напоминало о том, что есть в мире вещи позффективнее, чем рукопашный бой.

Дэн усмехнулся, сложил бритву и убрал в карман.

– Только пижоны бреются опасными бритвами, – не нашёл ничего умнее сказать я.

– Пижоны и путешественники, – широко улыбнулся Дэн. – Там, в туалете, было отличное мыло и помазок, вот я и воспользовался. Извини, что сразу не отчитался перед тобой, чем занимался в сортире так долго. И потом, разве твоя хвалёная собака не дёрнулась, если бы я перерыл весь грузовой отсек?!

Вот тут он был прав. Лучшего аргумента Дэн придумать не мог. Рон не позволил бы чужаку рыться в наших вещах, обязательно бы залаял.

Я промолчал.

– Ты же видишь, у меня нет сумки, только этот жилет с карманами. Как по– твоему я уволок тридцать телефонов?!

– Покажи документы.

– Ты не мент, и я не обязан...

– Лучше покажи! – Это было уже невозможно, но я ещё больше приблизился к нему, и теперь наши разбитые носы соприкасались.

Дэн пожал плечами, отступил на шаг и достал из жилета паспорт.

– Никитин Денис Евгеньевич, год рождения семьдесят пятый, место рождения город Москва, пол мужской...

– Ну слава богу! – облегчённо вздохнула Беда.

– Что пол мужской? – нахмурился я.

– Что документы в порядке! Бизя, ну подумай сам, стал бы преступник показывать тебе паспорт?

– Ты думаешь, у него есть выбор? – уставился я на Беду.

– Выбор всегда есть, – сказала Элка. – Он мог бы развернуться и убежать. Ты стал бы гоняться за ним в чистом поле?

– Я нашёл бы в этой деревухе какого-нибудь Анискина и написал заявление о краже.

– Глеб, я думаю, мы могли потерять телефоны. Помнишь, мы останавливались на трассе, ты открывал заднюю дверь и искал в грузовом отсеке дополнительное одеяло для Викторины? Коробка могла просто вывалиться.

– Не помню, – буркнул я, хотя отлично всё помнил.

Может, Элка права и коробку с сотовыми я просто посеял?..

– Меня теперь в таком виде никто не подвезёт. – Дэн оглядел себя.

Я выглядел не лучше, у меня были рассечены бровь и губа, скула саднила, наверное, там был серьёзный синяк. Плюс мокрая одежда, вонявшая пивом.

– Выход один – меня подвезёшь ты! – нагло заявил Никитин.

Я развернулся и молча пошёл в автобус. И хоть я не давал своего согласия, Никитин пошёл за мной.

Элка уже успела прыгнуть за руль. Я не стал возражать, так как вдруг почувствовал себя пьяным. То ли башку стряхнул во время драки, то ли пиво через поры впиталось.

Я сел на пассажирское кресло рядом с Бедой, Дэн устроился позади меня.

– Почему ты без вещей? – спросил я его.

– Мне они не нужны. Я путешествую автостопом, всё что нужно – покупаю за наличные. – Он помахал полый своего «репортёрского» жилета, показывая, где хранит деньги.

Элка поддала газу, и мы проскочили деревуху на шестидесяти, хотя там стояло ограждение сорок.

– Снег падает на всех, – запела Беда.

– Все падают на снег! – с готовностью подхватил Дэн.

Мою благожелательность как рукой сняло.

Я снова готов был набить ему морду.

Её звали Мария Ивановна, и у неё были все отличительные признаки «Марь Ивановны»: хала из крашенных хной волос, янтарные бусы, обмотанные в три ряда вокруг шеи, по три перстня на каждой руке, вес под центнер и... исключительное добродушие, которое сочилось как масло из беляша.

Глядя на неё, я ни капли не сомневался, что большая часть спонсорских подарков осядет в лучшем случае в её директорском кабинете, в худшем – у неё дома.

Мы стояли в ряд на зелёной лужайке перед детдомом, и Мария Ивановна поочерёдно жала нам руки.

– Очень приятно, очень-очень приятно, – отблескивала она на солнце влажными деснами. – Господи, как приятно-то! – дошла она до моей руки. Директрису ничуть не смутила моя рассеченная бровь и пивная вонь от одежды. Мне стало неловко, и я потихоньку выдернул ладонь из её влажно-горячих тисков.

В Бобровниково мы, как и рассчитывали, приехали в два часа дня. Директриса ждала нас на крыльце, козырьком приложив руку к глазам. Вокруг неё толпилась стайка одинаково-стриженных, плохо одетых детей. Дэн первым выскочил из автобуса, помахал нам рукой и направился в сторону трассы. Я не стал с ним прощаться.

Элка чересчур пристально посмотрела Никитину вслед. Рон побежал за ним, но на полпути развернулся и вернулся в автобус. У меня вдруг возникло тягостное, противное чувство, что этот человек имеет какую-то власть над моей женой и собакой.

– Подарки ко мне в кабинет, пожалуйста, – подтвердила мои опасения Мария Ивановна и гостеприимно указала на дверь интерната. И тут заметила Элку, которая стояла чуть поодаль и что-то оживлённо рассказывала детям.

– Ой! – вдруг всплеснула директриса руками. – Ой, что же это делается-то?! Вы?! Тут?! Здесь?! Как?! Откуда?! Господи, быть этого не может! Что ж нас не предупредили-то, что знаменитости едут?

– Я не Хакамада, – мрачно сказала Беда и оглянулась на автобус, словно прикидывая, как бы ударить.

– Да на что мне Хакамада? – заголосила Мария Ивановна. – Вы Элла! Тягнибеда! Моя любимая писательница! Я за вашими детективами в город езжу, потому что в нашей деревне их нет! А-а-а-втограф!!

Беда замерла как вкопанная. Изумление на её лице сменилось на тихое торжество.

– Ну, Бизя, что я тебе говорила? – тихо спросила она. – Народ знает своих героев! А ты – тиражи, тиражи... Где расписаться? – участливо спросила она директрису.

– А-а-а-а! За мной!

Дети загомонили, попытались обступить Элку, но она вырвалась из оцепления и пошла за Марией Ивановной, которая ринулась в здание интерната. Герман и Ганс, подхватив коробки с подарками, пошли за ними.

Миновав длинные, серые коридоры, мы оказались в директорском кабинете. Тут был мягкий диван, кресла, розовые гламурные шторы, светильники с вензелями, хороший компьютер и телевизор.

– У меня тут бедненько, но чистенько, – словно извиняясь, пробормотала директриса и вытащила из стола стопку Элкиных книг.

Беда села за стол и стала давать свои первые в жизни автографы. От усердия она покраснела и прикусила губу. Викторина, усевшись в кресле, скептически наблюдала за ней.

– А вот здесь можете написать «дорогой, любимой Марии Ивановне»? – суетилась директриса. – А вот здесь пожелайте мне «феерического счастья», пожалуйста! А напишите ещё, «чтобы в огороде урожай был самый лучший в Бобровниково»! А «вечной молодости» можете приписать? А ещё «здоровья богатырского»! И «чтобы дочка за американского миллиардера замуж вышла»! А мне и наш олигарх сойдёт! Вот здесь, здесь, пожалуйста, напишите про олигарха!

Закусив удила, Беда проводила автограф-сессию. Её ничуть не смущали диктуемые Марией Ивановной маразматические пожелания самой себе, Элка добросовестно воспроизводила их на обложках книг, подкрепляя размашистой подписью. Когда книжки закончились, директриса стала подсовывать ей какие-то календарики, блокноты, папки, тетрадки и даже салфетки.

– А вот здесь вот ещё, – приговаривала она, – Катке, дочке моей, жилплощади пожелайте квадратов триста...

– Так я ж миллиардера ей уже пожелала! – удивилась Беда.

– А ничего, к миллиардеру триста квадратов не помешают! – захотела Мария Ивановна. – А вы ещё на шторке мне распишитесь, фломастер по ткани хорошо пойдёт... Ага, и на стеночке, пожалуйста, росчерк поставьте и припишите: «никогда не забуду нашу встречу с Машунькой»!

– Так уж и «с Машунькой»? – недоверчиво глянула на директрису Беда.

– Пишите, пишите, я хвастаться всем буду, что вы подружка моя!

Элка вздохнула и вывела на обоях чушь про радость общения «с Машунькой».

Герман и Ганс во все глаза смотрели на этот спектакль. Я же думал только о том, где бы помыться. Тело после пивного душа чесалось, зудело и липло к одежде.

– А вы, Элла, прямо золотая рыбка какая-то, – сказала насмешливо Викторина. – И мужа-то у вас, и урожай, и квадратные метры попросить можно! Может, подсобите с размером груди?

– Вам, Викторина Юрьевна, грудь ни к чему, – не осталась в долгу Беда. – Это, знаете ли, хлопотное занятие, с ней возиться надо.

– А вам-то откуда знать? – хмыкнула Викторина, забираясь в кресло с ногами. – У вас, вроде с этим тоже не очень...

Я украдкой показал Элке кулак, чтобы она заткнулась. Она скорчила мне рожу, но промолчала.

– Что же вы, Глеб Сергеич, молчали, что у вас жена такая известная и знаменитая?! – обрёл наконец дар речи Герман.

– Да я и сам не знал, что она до такой степени знаменитая, – пробормотал я, глядя, как Беда расписывается на противоположной стене, окончательно портя интерьер кабинета.

– И я хочу ваш автограф! – воскликнул Ганс. – И я хочу здоровья, счастья и урожай в огороде!

– А знаете что?! – глаза у Марии Ивановны заблестели. – А давайте устроим для всего интерната встречу с писательницей! Пофотографируемся, пообщаемся в неформальной обстановке, фуршетик сообразим, а?! Я распоряжусь, чтобы в саду стол накрыли, а ещё у нас там беседка есть, которую можно вместо сцены использовать!

– Вообще-то, у нас другая программа, – сухо сказала Викторина и оскорблено расправила воротничок на блузке.

– Ой, да знаю я ваши программы, – махнула рукой директриса. – Скука смертная! Небось, о вреде наркотиков рассказывать будете?! Так это не для наших детей. Они вам сами расскажут и где достать, и как не подсесть!

– Хочу фуршетик! – счастливо улыбнулась Беда. – К чёрту нашу программу, давайте встречу со мной!

Допускать, чтобы второй раз на сцене главным действующим лицом оказалась Беда, было никак нельзя, но я вспомнил про свою разукрашенную в драке физиономию, про одежду, вонявшую пивом и... согласился.

– Ладно, Мария Ивановна, накрывайте ваш стол, готовьте беседку, будем проводить встречу с писательницей. Только, пожалуйста, покажите, где у вас тут можно принять душ, я случайно пивом облился.

Элка захлопала в ладоши, Викторина возмущённо фыркнула в своём кресле, Ганс крикнул «Ура!», а Герман Львович галантно поцеловал Марии Ивановне ручку, отчего та зарделась и игриво поинтересовалась:

– Вы случайно не тот олигарх, которого мне Элла пообещала?!

Душ находился в подвале.

Тут были сырые, некрашенные бетонные стены, гулкое эхо и ржавые трубы, которые путались под ногами, не давая пройти.

Моей главной мечте – уединиться с Бедой в душе, – не суждено было сбыться, потому что после долгой дороги помыться захотели все. Мы гуськом спустились в подвал, придерживая на плечах полотенца, которые по распоряжению Марии Ивановны выдала нам завхоз.

Переглянувшись с Бедой, мы каждый отправились на свою половину – я с Гансом и Германом в мужские кабинки, она с Викториной – в женские.

Кабинки оказались тесными и тёмными, а вода еле тёплой.

Если сироты всегда так моются, то им не поможет никакая гуманитарная помощь.

От досады, что Беда не со мной, я засвистел похоронный марш.

– А вы, Элла, оказывается, у нас писательница! – раздался из-за тонкой перегородки, отделяющую женскую половину от мужской, голос Викторины. – Детективы, значит, пишете?

– Пишу, Викторина Юрьевна! Каюсь, пишу. И даже гонорары получаю, – язвительно ответила Элка.

– Знаменитой, наверное, мечтаете быть?

– Ну... кто ж об этом не мечтает? Честно скажу – не отказалась бы.

– А откуда вы, позвольте спросить, сюжеты берёте?

– Из головы, Викторина Юрьевна. Как ни странно – из головы!

– И что – сходится всё? Убийство, мотивы, выводы, отчества героев с именами их пап?

– Не всегда, Викторина Юрьевна, ох, не всегда! Иногда такого напридумываешь, такого накрутишь, что сам не поймёшь, кто кого и за что. И с отчествами, это вы правильно заметили, прямо беда! Всё время забываю, как зовут главного героя – то он у меня Валерьевич, то Аркадьевич...

– И об этом вы собираетесь рассказывать детям? О своём непрофессионализме?!

– Непрофессионализм, Викторина Юрьевна, это когда в душе вода в рот попадает. А ведь вам попадает же, да?! Признайтесь, что попадает! Я знаю одного отличного стоматолога, который за недорого исправляет неправильный прикус. Хотите, дам телефончик?

– Да я сама вам какой угодно телефончик организую – хоть стоматолога, хоть пластического хирурга. А вода мне в рот попадает не из-за прикуса, а из-за того, что я не возвышаюсь над душем, как вы, а стою прямо под ним.

Разговор за стенкой достиг критического уровня, его необходимо было прервать. Когда Элка закусывала удила, она не думала о последствиях.

– Герман Львович! – закричал я. – А не потрудитесь ли вы объяснить, откуда у нас в автобусе появилась канистра с пивом?!

– Забыл вас предупредить, Глеб Сергеич, это подарок от Оскара Васильевича, который, которого... в общем, он потихоньку мне её передал ещё до того, как его того... Забыл я про это пиво! Вы же видели, что я вечером водку пил! – Герман всхлипнул в соседней кабинке.

– Конечно, на Оскара Васильевича сейчас всё можно свалить, – проворчал я, пытаясь смыть мыльную пену тонкой струйкой прохладной воды.

– А интересно, знает ли Мария Ивановна о том, что случилось в Тайменке с директором интерната во время нашего выступления? – подал голос Ганс. Он фыркал и плескался в своей кабинке, как ему это удавалось при таком напоре воды, я понятия не имел.

– Если б знала, то нашему приезду бы так не радовалась, – философски ответила из-за стенки Элка.

– Вы так говорите, Элла, будто это мы отправили директора на тот свет! – возмутилась Викторина.

– А какая эта Мария Ивановна симпатичная женщина! – видимо, Герман понял мою задумку не дать Беде и Викторине сцепиться. – Какая симпатичная! Я бы на ней даже женился, если бы...

– Были олигархом? – весело крикнула Элка.

– Если бы не был женат!

– Что-то я первый раз слышу, что вы, Герман Львович, женаты! – фыркнула Викторина.

– А я первый раз об этом сказал! – захохотал Герман и засвистел марш Мельденсона.

Я вдруг увидел, что в стене между женской и мужской половиной, есть маленькая дырочка. Наверное, её проковыряли детдомовские пацаны, чтобы подглядывать за девчонками. А может – наоборот. Срефлексировав, словно подросток, я припал к дырочке глазом и увидел голую Элкину спину.

– Элка, – зашептал я в дырочку, – повернись! Сто лет не видел тебя голой. Это чёртово путешествие...

Беда невозмутимо тёрлась мочалкой и молчала.

– Элка! Я говорил тебе, что у тебя самые красивые локти в мире?! А позвоночник... длинный и правильный?.. – Я не умел говорить комплименты, я делал это редко и неуклюже.

Беда молчала и мылилась. Я уже заподозрил неладное, но, видимо, разум не всегда поспевает за интуицией и меня несло дальше:

– Элка, а давай всем скажем, что мы пошли в книжный магазин, а сами запрямся в автобусе и... Элка, почему ты молчишь? Тебе осторчертел наш автобус? Тогда давай ...

Неожиданно в дырке появился глаз. Но не продолговатый и карий, а круглый и с зеленой. Глаз моргнул и прищурился.

Я отпрянул к двери и поспешно прикрыл у себя мочалкой то место, которое стоило прикрывать.

– Элка! – громко позвал я.

– Что?! – откуда-то сбоку раздался голос Беды.

– Элка, это не ты?! – спросил я зелёный глаз.

– Что?! – заорала Беда. – Чего ты там бубнишь, Бизя?!

– Глеб Сергеич говорит, что у меня красивые локти, правильный позвоночник, и он не против уединиться со мной в автобусе. – Глаз отлип от дыры, и я в отчаянии намылил лицо. По всему получалось, что интимный бред я нашёптывал Викторине.

– Бизя! – весело заорала Элка. – Как это пошло – приглашать женщину в автобус! А знаете, Викторина Юрьевна, для меня у Сазонова всегда находятся более интересные предложения! Например, после этого путешествия мы летим с ним в Испанию!

– Да летите себе, Элла, летите! Кстати, я забыла спросить: а каковы ваши творческие планы?

– Девочки, девочки, – всполошился Герман Львович, – что-то вы как-то очень уж разошлись!

Так и не смыв толком пену, я выскочил из кабинки, наспех натянул одежду на мокрое тело и сломя голову вылетел из подвала.

Во дворе интернатские дети играли с Роном. Я свистом подозвал собаку к себе, сел на крыльцо и, прижавшись щекой к собачьей морде, спросил:

– Что, веселишься?! А мне вот, брат, не до смеха. Всё время попадаю в идиотские ситуации. Ты не знаешь в чём дело?

Рон лизнул меня в нос и поставил передние лапы на плечи.

– Эх ты! – на крыльцо вышла Элка. Она была свежая, бодрая и улыбающаяся. Мокрые волосы блестели на солнце, глаза сияли из-под очков. – Бизя, как ты мог перепутать меня с бледной молью?

– Дырочка была слишком маленькой, – виновато вздохнул я.

– Писательница! – хором заорали дети, игравшие на площадке. – Писательница приехала, ща автографы раздавать будет!

– Элка, только без глупостей, – попросил я Беду, перед тем как она вошла в беседку, оборудованную под сцену. – Надеюсь, ты не будешь дурачиться? – Я заглянул ей в глаза.

– Что ты! Это же для меня святое! – возмутилась она.

– Дети? – спросил я с надеждой.

– Мот книги, балда! – Она щёлкнула меня по лбу, с улыбкой звезды вошла в беседку и села за стол, на котором лежала стопка её детективов.

Фуршетный стол был накрыт рядом с рядами зрителей, насколько я успел заметить, на нём возвышались стопки бутербродов с сыром и кувшины с квасом. Весь интернатский люд собрался в саду. Стульев на всех не хватило, поэтому пацаны и девчонки сидели прямо на зелёной траве. Рона я привязал к берёзе, чтобы он не мельтешил перед сценой.

Ганс и Герман сидели в первом ряду. Викторина почему-то предпочла расположиться в толпе детей. Я сел сбоку, подальше от Викторины. Меня до сих пор бросало в пот при мысли о том, что я подглядывал за ней в душе. Оглядевшись, я поискал глазами Марию Ивановну, но её нигде не было видно.

Элка победно оглядела своих зрителей и... вдруг стушевалась.

– Здравствуйте, дорогие мои, – пробормотала она неуверенно, но дети и воспитатели устроили ей такую овацию, что с деревьев вспорхнули птицы.

– Признаюсь, мне очень приятно, – окрепшим голосом продолжила Элка, – что в такой ды... таком райском уголке, как село Бобровниково, знают и любят моё творчество.

Ей снова доброжелательно поаплодировали. Не хлопала только Лаптева, но это и было понятно – какой женщине понравится триумф другой?!

– По профессии я журналист, но детективы писала с детства. – Беда глазами искала меня. Я показал ей поднятый вверх большой палец. Она кивнула, оживилась и продолжила: – Сначала это были очень длинные, скучные и надуманные истории, потому что... потому что у меня не было жизненного опыта, не было собственного стиля и собственных мыслей. Я пыталась копировать своих любимых авторов – Чейза, Стаута, Ладлэма, а, как известно, подражательство ни к чему хорошему не ведёт. Настоящая работа над книгами началась только тогда, когда... когда... – Она беспомощно искала глазами меня.

– Когда я на тебе женился! – шёпотом подсказал я ей.

– Когда Бизя на мне женился, – не очень уверенно сказала Беда.

Зрители засмеялись и громко захлопали.

Наверное, Беде надоело выглядеть душой, потому что она вдруг вскочила из-за стола и стала ходить из угла в угол, то и дело поправляя мизинцем очки на носу.

– Ведь что такое писательство?! – спросила Беда, воздев к небу руки. – Это когда не жалко отдать другим частичку своей души! Когда мыслей и переживаний столько, что они просятся на бумагу! Когда образы роятся в мозгу как мухи, когда диалоги героев не дают спать по ночам, а фонтаны фантазии уносят тебя из реальной жизни далеко-далеко...

От удивления у меня челюсть отвисла. Вот уж никогда не подозревал Элку в таком словоблудии.

«Фонтаны фантазии»!

«Частичка души»!

Да она угорела бы со смеху, услышав такую речь от кого-то другого! А тут сама на полном серьёзе и с вдохновением вещает это со сцены.

Краем глаза я видел, как усмехается Викторина.

– ... фантазия несёт тебя далеко-далеко, и ты не можешь спать, есть, пить и дышать, пока не запишешь всё это на бумаге... В общем, если можешь не писать – не пиши! А если не можешь не писать – всё равно не пиши, потому что это муторное, тяжёлое, неблагодарное и малооплачиваемое занятие, – закончила вдруг она.

– Здрасьте, приехали, – пробормотал я и показал Элке кулак. Но она его не заметила и продолжила:

– Мне вот просто повезло, что я в таком захолуст... райском местечке встретила такую очаровательную, весёлую и умную поклонницу, как Мария Ивановна. Мария Ивановна, где вы? – огляделась по сторонам Элка.

– Она сейчас придёт! – крикнул кто-то из зрителей. – Она сказала, что хочет вам сделать какой-то подарок, и пошла в свой кабинет!

Неожиданно Рон, привязанный у берёзы, протяжно завыл.

– Фу! – крикнул я, удивляясь, что могло вывести его из себя. Рон никогда в жизни не выл, он был для этого слишком ленив и уверен в своём завтрашнем дне.

Неожиданно на небе собрались тучи. Солнце пропало, поднялся ветер.

– Ну, тогда задавайте свои вопросы, а я с удовольствием на них отвечу, – радостно возвестила Беда, изобразив ослепительную улыбку.

– А откуда вы берёте свои сюжеты? – звонко выкрикнула молоденькая воспитательница с первого ряда.

Элка нахмурилась и поскучилась.

– Из головы, – сказала она. – Это единственное место, откуда я могу брать сюжеты. А откуда их ещё брать? Я, видите ли, детективы пишу, а убийства в реальной жизни случаются не так часто, как хотелось бы...

Я сделал страшную рожу и показал ей кулак. На этот раз Элка его заметила и быстро поправилась:

– То есть я хотела сказать, что фантазировать на тему убийств гораздо приятней и увлекательней, чем описывать реальные преступления.

– А какие ваши творческие планы? – спросил детский голосок.

Элка резко остановилась, будто на стену налетела. На лице её опять мелькнуло замешательство. На всякий случай я показал ей кулак.

– Вы не поверите, – сказала Беда, – но я собираюсь написать очередной детектив. Может, я как-то неоригинальна... и стоило бы заняться балетом, но... Друзья, давайте что ли, фотографироваться! И позовите, наконец, Марию Ивановну, она мои книги читала, знает, что спросить.

– А я сейчас за ней схожу! – вскочила с места молоденькая воспитательница, – та, которую интересовало, откуда берутся сюжеты. Она быстро убежала в здание интерната, шаркая тапочками по дорожке.

Рон вдруг опять завыл – на этот раз как-то уж очень отчаянно.

– Фу, Рокки! – крикнула ему Элка.

Неожиданно пошёл дождь. Он ливанул так, словно на небе образовалась прореха и вся вода, накопившаяся за лето, потоком хлынула вниз. Крыша беседки оказалась дырявой, на Беду дождь полил с той же силой, что и на всех остальных. С визгом, свистом и воплями толпа ринулась в интернат. Я побежал к берёзе, чтобы отвязать Рона. Элка сняла очки и схватила под мышку свои детективы, накрывая их телом, чтобы они не намокли.

– Бежим! – радостно закричала она. – Бежим к чёртовой матери от этой славы, от этой встречи с читателями...

И тут на крыльцо выбежала молоденькая воспитательница. Почему-то на ней не было тапочек. А лицо было такое, что вся толпа мигом остановилась и замерла, как в немой сцене. Над крыльцом отчего-то не было козырька, и дождь мгновенно промочил на воспитательнице розовую кофточку, юбку, расправился с её косметикой и причёской.

– Там... – сказала девушка и медленно начала оседать на пол.

– О господи, – пробормотал Герман Львович и охотно уступил мне дорогу к двери.

Я уже знал, что случилось. Ведь сценарий был прежний – пустой интернат, все собрались в одном месте – на нашем представлении, директор по какой-то причине опаздывает к началу мероприятия, а спустя некоторое время его находят...

Она лежала на пороге своего кабинета. Лицо было синюшным, на шее красная полоса. Её задушили янтарными бусами, которые бы порвались, не будь они намотаны в три ряда.

Это было ужасно. Отвратительно. На это невозможно было смотреть. У меня взмокли руки и задрожали колени, несмотря на то, что я не был ни впечатлительным, ни слаонервным.

– Не подходите! Уведите детей и вызовите милицию! – закричал я уже знакомый текст. – Ганс, уведи собаку!

– Слава богу, не я нашёл! – с неприкрытой радостью пробормотал Герман.

– Заткнитесь! – попросил я математика.

– А что? Второй раз уже! На меня могли бы подумать, – обиделся математик.

Беда уже сидела возле тела на корточках, щупала пульс, поднимала веки, заглядывала в глаза.

– Мертва, – сообщила она и подняла с пола шариковую ручку, у которой на конце был весёлый венчик из жёлтых перьев. Элка пощекотала себе нос этими перьями и вдруг заплакала. На моей памяти это был первый криминальный труп, который вызвал у неё сочувствие, а не любопытство.

– Она читала все мои книжки, – объяснила Беда свой приступ сентиментальности. – Она была моей поклонницей, быть может, единственной во всём мире!! Она хотела мне подарить эту ручку!

– Элка, замолчи! – попросил я, поднял её за плечи и отвёл к окну.

Коридор уже опустел, воспитатели увели детей.

– Слава богу, не я нашёл! – неприкрыто радовался Герман.

– Что-то мне всё больше перестаёт нравиться наше весёлое путешествие, – с вызовом заявила Викторина Юрьевна. Я и не заметил, как она оказалась рядом.

– Это чудовищно! – всхлипнула Элка. – Кто-то идёт за нами по пятам и убивает директоров интернатов. Всё повторяется! Марию Ивановну задушили; она, как и Оскар, близко подпустила преступника, потому что не боялась его. У меня убили единственную поклонницу! Что делать, Бизя?!

– Понятия не имею.

– Да, слава богу, что не мы нашли!

Кажется, Герман немного сошёл с ума.

Тело увезли, а лейтенант оказался пьян.

От него разило спиртным за версту, взгляд плохо фокусировался на собеседнике, а вопросы имели отвлечённый характер.

– Какой марки ваш автобус?

– Ай-Си Корпорейшн.

– Сколько литров он жрёт на сотню километров?

– Двадцать – двадцать пять.

– А какого года он выпуска?

– Скажите, почему вы приехали один на такое серьёзное происшествие, как убийство? – не выдержал я.

– Ха! Вот невидаль – убийство! Да в нашей деревне каждый день убивают! Если каждый раз бригаду посылать, никакого народу не хватит. Нас всего двое в убойном – я, да Мишка Коробкин. У Мишки сегодня отгул, он мамаше помидоры помогает садить, а у меня ни мамаша, ни помидоров, я всегда на боевом посту! – Лейтенант браво отдал мне честь, приложив к пустой голове руку, и в очередной раз, дрожащей рукой, налил себя из графина воды.

Мы сидели в кабинете Марии Ивановны: лейтенант за её столом, мы с Элкой – напротив. На столе были разбросаны Элкины детективы в ярких цветных обложках, но лейтенант оказался ненаблюдателен, он не заметил, что на фотографии и перед ним – одно и то же лицо.

Элка хмурилась и молчала. Она тарабанила пальцами по коленке и отрешённо смотрела в окно.

– Я понимаю, – сказал я нетрезвому лейтенанту, – наше положение очень двусмысленное. Вы наверняка думаете, что таких совпадений не может быть – второй раз, во втором интернате убивают директора во время нашего выступления. Я всё понимаю, поэтому готов сотрудничать со следствием! Вы... вы можете взять у всех у нас отпечатки пальцев, можете вызвать в отделение на допрос, мы готовы на всё!

– Да бросьте вы! – отмахнулся от меня лейтенант и шумно выхлебал из стакана воду. Видимо, его мучил суровый сушняк, потому что он немедленно налил себе из графина ещё. – И за каким, извините, редисом, мне ваши отпечатки пальцев?! Грузитесь в свой пепелац³ и кантуйтесь дальше по дальним дорогам. Никто вас не подозревает. Разве вы ничего не знаете?! Радио не слушаете?! Телевизор не смотрите?!

– Телевизора у нас нет, – пробормотал я, – а радио... на трассе плохо ловится.

– А-а, ну так знайте, что три дня назад во время этапирования из одной спецклиники в другую, совершил дерзкий побег опасный преступник. С головой у него полный абзац, он жесток и чрезвычайно опасен! Его перевозили из одной психушки в другую. Он напал на конвой, задушил двух охранников и сбежал! Он силен как зверь, тормозов у него нет, а убивает псих именно так – душит жертв тем, что под руку попадётся! Так что езжайте себе, уважаемые миссионеры, и будьте осторожны в пути! – Лейтенант снова налил себе воды и начал пить.

Я смотрел, как ходит его кадык. И Элка смотрела. Потом мы перевели взгляд друг на друга, и я понял, что думаем мы об одном и том же.

– Скажите, а как выглядит этот сумасшедший преступник? – сорвавшимся вдруг на фальцет голосом, спросил я лейтенанта.

– Высоченный парень, вроде вас. Молодой, тридцать три года...

– Волосы тёмно-русые, нос прямой, глаза серые, телосложение атлетическое... – продолжил я.

– Ты с ума сошёл! – перебила меня Беда. – Это не он!

– Как зовут преступника? – спросил я лейтенанта.

– Коростылёв Андрей Викторович, кличка Слон. А откуда вы...

– Ну вот, это не он! – вскочила Беда. – Я же говорила!

– Документы на Никитина он мог украсть. Теперь понятно, почему у него не было никаких вещей!

– О чём это вы? – без особого любопытства спросил лейтенант.

Я коротко рассказал ему о своём попутчике, о пропаже сотовых телефонов, о драке на автобусной остановке и паспорте, который показал мне Дэн. Лейтенант с ленцой записал что-то в своём блокнотике.

– Повезло вам, ребята, что живы остались, – вздохнул он и тоскливо посмотрел на графин, в котором не осталось воды.

– Чёрт, – пробормотал я, чувствуя, как спина покрывается холодным потом. Мысль, что я подвергал опасности жизни вверенных мне людей, привела меня в ужас.

Беда стянула с носа очки и задумчиво стала протирать их полкой моей рубашки.

– Странно! – сказала она. – Почему Рокки на него не рычал?! Собаки за версту чувствуют пьяных и сумасшедших...

– Слушайте, а не вы ли написали вот эти вот книжки?! – Наконец-то лейтенант заметил сходство лица на обложке с Элкиным.

– Да, я пишу детективы. Мария Ивановна, которую задушили, была моей поклонницей, – вялоотреагировала на свою узнаваемость Элка.

– Возьму, поищу на досуге знакомые буквы, – улыбнулся лейтенант и спрятал одну книжку за пазуху.

– До свидания. – Я встал и зачем-то слегка ему поклонился. Потом взял Элку за руку, и мы вышли из кабинета.

Когда дверь за нами почти закрылась, лейтенант вдруг заорал:

³ Пепелац – (сленг.) транспортное средство, автомобиль.

– А вот мне всегда было интересно спросить у живого писателя – откуда вы берёте свои сюжеты?!!

– Из жо... – попыталась ответить Элка, но я успел зажать ей рукой рот, и мы побежали по лестнице вниз.

Из Бобровниково мы уехали вечером.

Дети и воспитатели грустно помахали нам вслед. Никто и не подумал связать убийство директора с нашим приездом. О сбежавшем из психушки маньяке-душителе уже знали, наверное, даже интернатские мыши.

– Вы бы уж не брали больше никаких попутчиков, Глеб Сергеич, – поджав губы, сказала Викторина и задёрнула шторку, отделявшую её полку от салона.

– Ёпть! – радостно возвестил Герман, когда мы выехали из села. – Это ж надо было, маньяка в чистом поле словить! А могли ведь и на меня подумать, если б я опять труп нашёл!

Я включил громкую связь и обратился ко всем:

– Обстоятельства складываются так, что продолжать нашу кампанию становится опасно. Есть предложение всем, кроме меня, вернуться в Сибирск. А я погоню автобус дальше. Пассажирские рейсовые автобусы ходят в город через каждые два часа, так что...

– Я остаюсь! – поспешно выкрикнул Герман Львович. – Я специально из дома удрал, чтобы у тещи на даче не батрачить! Если вернусь – пропало лето! Лучше уж под угрозой маньяка, чем... – Он махнул рукой.

– И я остаюсь! – Ганс даже встал для убедительности. – У меня очень уважительная причина. Я от одной девушки скрылся, а она пострашнее любого психа будет!

– Я тоже останусь, – раздражённо сказала из-за розовой шторки Викторина. – Я вовсе не хочу выглядеть слабонервной дурой, которая испугалась какого-то чокнутого. И потом... у меня всё лето расписано. Сначала путешествие на Алтай, потом к маме в Воронеж, потом на две недели в Сочи с подругой. Куда я денусь, если вернусь в город раньше положенного срока?! Нет уж, и я останусь! – твёрдо заявила она.

Я вспомнил про Марика и Мальдивы, но промолчал.

– Ну, мне-то ты, надеюсь, не предложишь вернуться? – спросила Элка.

– Нет, – вздохнул я и отключил громкую связь. – Куда мне без тебя!

– Глеб... – Она редко называла меня Глебом. Только если хотела показать всю серьёзность своего заявления. – Глеб, мне кажется, это не он.

– Кто – не он? – я сделал вид, что не понял.

– Денис Никитин – это не тот сумасшедший, который сбежал из психушки!

Я не стал ей отвечать, потому что гадкое чувство, что парень, назвавшийся Дэнном, каким-то образом «зацепил» Беду вдруг вернулось.

– Я не могу в это поверить! Дэн совершенно нормальный, вменяемый человек! Ты что, психов не видел? – Она свела глаза к переносице, скособочила челюсть и сделала несколько конвульсивных движений руками.

– Ты, часом, не влюбилась в этого шизика? – поинтересовался я, искоса глянув на Элку.

– Не смешно, – надулась Беда.

– Вот и мне тоже. Какого чёрта ты без конца вступаешься за этого ублюдка?! Мало тебе пропавших сотовых и двух убийств?!

– У меня чутьё, интуиция...

– Элка, жизнь – это не твои книги. Берёшь сюжеты из головы, вот и бери!! Не надо отрицать очевидные факты! Убийца – тот, на кого указывают милицейские сводки, а не тот, на кого тебе заблагорассудится указать на последней странице своего детектива.

Справа показалась заправка. Затормозив, я пошёл вставлять «пистолет» в бак, потому что терпеть не могу, когда это делают парни в комбинезонах.

– Оплати в кассе пятьдесят литров! – крикнул я Беде.

Прошло две минуты, прежде чем она появилась передо мной бледная и растерянная.

– Что?! – спросил я, чувствуя, как холодеет под ложечкой. – Что там опять стряслось?!

– Бизя, все наши деньги пропали, – прошептала Беда.

Я бросился в кабину. В бардачке, запирающемся на ключ, хранились все деньги, выделенные нам спонсорами на топливо и питание. Когда я последний раз заправлялся, там было тридцать пять тысяч.

Замок был аккуратно взломан, и то, что дверца прилегает неплотно, не сразу бросалось в глаза.

Денег не было. Ни копейки. Но я зачем-то пошарил в пустом пространстве рукой.

– Катастрофа, – сказал я. – Какой же я идиот!

Все столпились у меня за спиной, что-то спрашивали, советовали, успокаивали и упрекали одновременно. Я почти ничего не слышал. Я понимал только одно – топлива в баке километров на двадцать, еды тоже немного, а мне всю нашу гоп-компанию надо в целости и сохранности довести до монгольской границы, а потом доставить обратно в Сибирск.

– Бизя, я была неправа, – как сквозь вату услышал я голос Элки. – Этот Дэн действительно – псих, вор и убийца! Давай заявим в милицию о пропавших деньгах!

* * *

Есть три способа пережить шок.

Первый – напиться.

Второй – тоже напиться.

Третий – очень сильно напиться.

Попытка обойтись первыми двумя способами неизменно заканчивается третьим.

Загвоздка была только в том, что не было денег.

Вернее, нет. Настоящая загвоздка состояла в том, что всё-таки я был завуч. Другими словами – заместитель директора по воспитательной части. Первый раз меня в названии моей должности напрягало слово «воспитательной».

Может ли замдиректора, отвечающий за воспитание детей, позволить себе напиться?!.

А с другой стороны, что я – не человек что ли?!.

– Скажи, Элка, завуч не человек?!

– Человечище! – пробормотала Элка, пересчитывая у барной стойки деньги, которые мы всей командой наскребли по карманам.

На основную часть этих денег мы залили солярку, а оставшуюся единодушно решили пропить в придорожном кафе. Самое удивительное, что это решение одобрила даже консервативная Викторина Юрьевна. Видимо, и у «синих чулков» бывают минуты человеческого просветления.

– Мне водки, – сказала Лаптева. – Дешёвой и побольше.

– Понятно, что дешёвой, – усмехнулся я.

– Ясное дело, что побольше, – хмыкнул Абросимов.

Единственным человеком, по отношению к которому наше мероприятие выглядело вопиюще непедagogичным, был Гаспарян. Но Ганс заявил:

– Вы меня не стесняйтесь. Я же взрослый человек! Я всё понимаю.

– Пять по алгебре! – выкрикнул Обморок и панибратски похлопал его по плечу.

Заведение называлось «Ням-ням». Это была кафешка с сомнительным ассортиментом спиртного и сомнительным персоналом в количестве одного человека. Мы заняли стол у окна. Парень в замызганном белом переднике принёс три бутылки водки, жареного цып-

лёнка и шесть солёных огурцов – это всё, на что нам хватило оставшихся после покупки бензина денег. Кроме нас в зале сидели только два парня, по виду дальнбойщики.

Элка наливала мне медицинские дозы. Первая пошла с трудом. Вторая намного лучше. После третьей я смог что-то соображать. Беда смотрела, как я пью, заглядывая мне в глаза, словно доктор. Мне даже показалось, что она не прочь посчитать мне пульс.

– Господа! – заявил я, когда смог говорить. – Я обязан извиниться перед вами за то, что втравил вас в такую опасную и неприятную историю. Я не должен был быть таким безответственным и... брать попутчиков по дороге. Ещё раз хочу предложить всем вернуться междугородним автобусом в Сибирск.

– Тёща! – взвыл Герман. – Нет, не поеду домой, хоть режьте!

– Если я вернусь, Пипеткина из десятого «г» меня на себе женит! – покраснев, сказал Ганс. – Нет, Глеб Сергеич, мне в город ещё минимум неделю нельзя. Она потом с родителями в Кисловодск свалит, а там найдёт себе кого-нибудь и от меня отстанет.

– А я не собираюсь из-за вашей безответственности путать свои планы на лето! – Лаптева поддела на вилку кусок солёного огурца и отправила его в рот с таким видом, словно это был деликатес. – Вы так легкомысленны, Глеб Сергеич, что я даже удивляюсь, как вам удалось стать завучем! – Пучок волос у неё на голове съехал набок, глаза зло поблескивали из-под очков, а ведь по моим расчётам она после третьей рюмки водки должна была стать весёлой и доброй...

– Пойдём, покурим, – сказал я Беде, хотя не курил уже два года.

– Пойдём, – усмехнулась Беда.

На улице накрапывал мелкий дождь. Недалеко шумела, пульсировала движением ночная трасса. Беда достала из сумки сигареты и закурила.

– Почему ты не пьёшь? – спросил я. – Разве у тебя не стресс?! Не шок?! Не...

– Кто-то из нас должен быть трезвым, – разумно ответила она. – Мало ли что...

– Мало ли что, – повторил я её слова, понимая, что они становятся лозунгом нашего путешествия. Пьяная слезливая жалость к себе вдруг подкатила к горлу. Я не пил очень давно и, наверное, отсутствие тренировок сказалось.

– Вот скажи, Элка, – вздохнул я, – ну почему меня эта Лаптева ни во что не ставит?! Ведь я кто? За-вуч! А Викторина кто? Простая учительница младших классов! «Вы так легкомысленны, Глеб Сергеич, что я даже удивляюсь, как вам удалось стать завучем!» Тыфу!! Да мне уволить её – раз плюнуть! Ильич и разбираться не будет, почему я этого захотел! Элка, а давай я прямо сейчас уволю её к чёртовой матери, пусть катит хоть к маме в Воронеж, хоть к своему Марику!

– К какому Марику? – перебила Беда.

– Элка, – шёпотом сообщил я Беде, – представляешь, у этой кикиморы есть какой-то Марик, который ревнует её ко мне и которому не запахло везти её на Мальдивы! Я случайно подслушал телефонный разговор. А вообще... ну её, эту Лаптеву, пойдём в автобус! Пойдём, там сейчас только Рон, а он привык к нашим... Я не евнух, Элка, я нормальный мужик, который к тому же ещё и напился... – Я схватил Элку в охапку и потащил к автобусу. Она не особо сопротивлялась.

Мы почти были у цели, когда Беда выкрутилась из моих рук и прошептала:

– Смотри!

В тусклом свете жёлтого фонаря, освещавшего стоянку перед кафе, я увидел знакомую японку с грязными номерами и наглухо тонированными стёклами. Она притулилась в кустах, рядом с фурой, на которой, видимо, приехали дальнбойщики. Мы бы ни за что не заметили эту «Тойоту», но в момент, когда я подсаживал Элку в автобус, фура вдруг тронулась и медленно поехала в сторону трассы.

Я протрезвел мгновенно.

– Летучий голландец, – пробормотал я.

– Скорей уж летучий японец, – поправила меня Беда, подходя к машине. – Как ты думаешь, это опять совпадение?!

– А мы сейчас узнаем! – Я со всего маху пнул японку по колесу в расчёте, что взвоят сигнализация, прибежит хозяин, и я с ним поговорю по душам. Но у машины вдруг завёлся движок, и она рванула с места, чуть не сбив Элку. Беда в последний момент успела отскочить в сторону.

«Тойота-Авенсис» на бешеной скорости выскочила на трассу, без торможения, с визгом колёс и заносом повернула в сторону Барнаула, и... ушла в точку.

– Ну ни фиги себе, – только и смог сказать я. – Там кто-то сидел за рулём!

– Ну да, если только она не ездит сама по себе, – запыхавшись, сказала Элка. – Зачем ты пнул колесо?! Сигнализация же не горела!

– Он чуть не сбил тебя!

– Может, просто испугался, приняв нас в темноте за бандитов?

– Слишком много «может». Почему он сидел за рулём, а не в кафе? Почему прятался в кустах, за фурой?! Почему...

– Слушай, пойдём в кафе и узнаем у официанта, кто кроме нас заходил в заведение!

– Пойдём! – Я схватил её за руку, и мы побежали.

У входа в «Ням-ням», в зарослях сирени, кто-то возился, сопел и постанывал. Вряд ли это имело к нам отношение, но в свете последних событий я стал подозрителен, поэтому, тормознув Элку, тихонько раздвинул ветки, подсвечивая себе фонариком, который был у меня в мобильнике.

То, что я увидел, потрясло меня больше, чем два убийства в интернатах, чем пропажа денег, чем «Тойота» в кустах. В зарослях сирени самозабвенно, неистово целовались Викторина и Ганс. Даже при таком освещении было видно, что щёки у Викторины красные, что блузка расстёгнута, а Ганс поспешно и неумело пытается разобраться с оставшимися пуговицами.

Я отступил назад и погасил фонарик. Слов у меня не было. Я опять созрел для приёма внутрь водки, причём не в медицинских дозах, а в настоящих, от которых наутро не помнишь, кто ты и как тебя звать.

Беда тычками в спину оттеснила меня к дверям заведения. Мы зашли в узкий и тёмный тамбур, разделяющий кухню и зал.

– Что это было? – как последний дурак спросил я у Элки.

– Что, что... Вот уж не думала, что в вашей школе процветает такой разврат! Ганс, конечно же, совсем большой мальчик, но Викторина-то, Викторина! А стоит из себя праведницу! Бедный Марик!

– Уволю её прямо сейчас! – заорал я и бросился было назад, к кустам, но Элка преградила мне путь.

– Перестань, Бизя! Все взрослые люди. Сколько лет этому Гаспаряну? Семнадцать?! Да он здоровый, полноценный мужик! Плюс делай скидку на его горячую армянскую кровь. Боюсь, что жертва в этом любовном тандеме не он, а бедная, серая мышь Викторина. Зря ты ей дал напиток.

– Как она может? – возмутился я. – Она же учитель!

– Прежде всего, она женщина. А Ганс красавчик. Её можно понять.

– Он ребёнок!

– В каком месте?!

– В голове. В мозгах! И потом... как же Марик?!

– Марик далеко, а Ганс рядом, под боком. Вряд ли у Марика такой темперамент, такое молодое красивое тело и такая жажда познания. Всё просто.

– Просто?! Элка, ты так говоришь, будто сама сто раз побывала в такой ситуации, когда Марик за сто километров, когда под боком молодое горячее армянское тело и когда...

– Идиот!! Это моя профессия – лезть в чужую шкуру и пытаться понять чужие мысли, если ты не заметил. Иначе, как бы я писала романы?

– Как?! – У меня мозги зашкалило от её логики.

– Пошли, поговорим с официантом. Может, он знает, кто был за рулём японца?

– Пошли, – сказал я, думая только о том, почему Беда пытается оправдать поступок Викторины.

Не потому ли что способна на такое сама?!

Эта мысль была самая непереносимая из всех мыслей, лезших в мою пьяную голову. Она давила на виски и отдавалась тупой болью в затылке.

На кухне воняло хлоркой и пережаренным луком. Парень, который приносил нам еду, сидел на перевёрнутом баке с надписью «Соль» и курил. Судя по блуждающему взгляду и наслаждению, с которым он затягивался, курил он «косяк». Это подозрение подтвердилось тем, что увидев нас, повар и официант в одном лице быстро отбросил окурочок за спину.

– Вообще-то, сюда посторонним вход запрещён, – начал он, но Беда быстро сунула ему пятидесятирублёвую купюру, неведь как сохранившуюся в кармане её джинсов.

Парень двумя пальцами брезгливо взял деньги и недоумённо уставился на нас.

– Одна маленькая услуга, – улыбнулась во все тридцать два зуба Элка. – Настолько маленькая, что не стоит даже этих денег. Скажите, кто кроме нас за последний час посещал кафе?

– В смысле? – не понял парень.

– Сколько может быть смыслов у вопроса: «Кто кроме нас сидел за столиками?» – прищурилась Элка.

– Так вы ж всех видели! Два дальнбойца сидели, у них фура рядом с вашим автобусом стояла, я из окна видел. А... больше никого не было.

По тому, как он это сказал, я понял, что парень врёт.

Элка тоже поняла это.

Она наклонилась и подняла с пола окурочок.

– Травка? – понюхала она косячок. – Небось, не только курите, но и приторговываете втихушку? И почём у вас кропаль?⁴ Ментам приплачиваете, или они не в курсе, чем вы тут занимаетесь?!

По ходу её речи парень то краснел, то бледнел.

– Ладно, – наконец сказал он, шаря глазами по полу, – скажу, так и быть. Был тут мужик один, на «Авенсисе» подъехал, я в окно видел. Но он в зал заходить не стал, пришёл сразу на кухню, купил две бутылки минеральной воды, а потом... – Парень тяжело вздохнул. – Потом он про вас начал расспрашивать.

– Что значит – про нас?! – Я приблизился к парню вплотную, изо всех сил стараясь не схватить его за грудки.

– А то и значит, – парень оторвал взгляд от пола и затравленно посмотрел на меня. – Он в зал тихонечко заглянул и спросил, не знаю ли я, отчего разношёрстная компания за дальним столиком так напивается, да ещё без закуски. Я сказал, что, кажется, у вас напряги с деньгами. Потом он сунул мне тысячу рублей, какие-то таблетки и попросил принести вам якобы за счёт заведения кофе с подмешанным в нём лекарством. Вот. Ещё он сказал, что надеется, что я буду молчать о его маленькой и невинной просьбе.

– И почему ты не принёс нам кофе? – спросила Элка.

⁴ Кропаль (нарк.) – доза, порция гашиша.

– Так это... а вдруг криминал какой? Вдруг отравы? Не рискнул я! Он же всё равно не узнает, принёс я или не принёс. Он ушёл сразу. А я клиентов своих люблю. – Парень опять забегал глазами по полу.

– Где таблетки?! – Я всё же тряхнул его за плечо.

Он вытащил из кармана передника пачку и протянул её Элке.

– Слабительное, – усмехнулась она, рассмотрев упаковку и пряча её в сумку. – Ничего криминального. Просто какая-то сволочь захотела, чтобы вся наша команда подробно и до утра знакомилась с местными удобствами. Кстати, они у вас на улице?

– На улице, – всхлипнул парень. – И крючок сегодня утром сломался.

– А ты молодец! – Беда с размаху хлопнула официанта по плечу. – Нет, правда, вы не представляете, юноша, как я вам благодарна за то, что вы не напоили нас кофе с таблетками!

Я не разделял Элкиных восторгов. Кто-то явно хотел причинить нам неприятности, пусть мелкие, но неприятности. Кто-то следил за нами и собирал о нас информацию. Кому это может понравиться?!

– Как выглядел тот мужик? – спросил я парня.

– Обычно выглядел. Лет пятидесяти, среднего роста, в хорошем костюме. Лицо такое... добропорядочное. Похож на руководящего работника.

– Забавно, – пробормотала Беда. – Добропорядочный дядя, который во что бы то ни стало, хочет напичкать всю нашу честную компанию пургеном! А туалет на улице и крючок сломан. Забавно... Нет, юноша, вы молодец! И денег срубили и...

Я схватил Элку за руку и потянул в зал, не давая договорить.

– А крючок в сортире вы обязательно почините! – закричала она. – И, кстати, кофе нам принесите! Он ведь оплачен!!

В дальнем углу, уронив голову на стол, спал Герман Львович. Косточки от цыплёнка хаотично валялись вокруг его смятой щеки. Рюмка была опрокинута, все три бутылки водки пусты. Над всей этой красотой кружила жирная муха, совершая кратковременные посадки то на ухо Германа Львовича, то на куриные кости, не в состоянии, вероятно, решить, что для неё привлекательнее.

Мы сели за соседний столик.

– Ничего не скажешь, увлекательное путешествие, – сказала Элка, трясая над столом солонку, в которой не оказалось соли. – Хвост на «японке» – раз! Псих-убивец, который привязался к нам как банный лист – два! Полное отсутствие денег – три!

– Из всего этого самое актуальное на данный момент – отсутствие денег.

– Что будем делать? – Беда посмотрела на меня своим фирменным взглядом поверх очков.

– Вариантов немного, – ответил я. – Вернее, вариант вообще-то один, но я всё-таки сначала попробую тот, на который надежды нет.

– Успехов тебе! – засмеялась Элка, глядя, как я набираю на мобильнике номер.

– Але! – крикнул на том конце голос шефа. В трубке присутствовал посторонний шум, будто Троцкий ехал в машине. Это было странно, так как с тех пор как Ильич женился на Нэльке, он предпочитал проводить вечера дома, у телевизора.

– Здорово, Ильич! – бодро поздоровался я, подмигнув Элке.

Она закурила и, прищурившись, выпустила длинную струю дыма.

– Привет, – сказал Троцкий. Радости в его голосе я не услышал.

– Не дома? – поинтересовался я.

– Ага, блин, на работе в двенадцать часов ночи! – заорал вдруг Ильич. – Конечно, дома, Сазонов, а где ж мне ещё быть?! Сижу, в ящик плююсь.

Он врал, потому что в трубке послышался резкий автомобильный гудок и визг тормозов. Вряд ли это были телевизионные звуки, но ловить Ильича на вранье я не стал.

– Зачем звонишь? – спросил Троцкий, причмокнув – видимо, заложил за щеку леденец, чтобы удержаться от крепких выражений.

– У нас ЧП, Владимир Ильич, – перешёл я на официальный тон, давая понять, что проблема не моя личная. – Мы тут в такую заваруху попали, что... в общем, долго рассказывать. Суть такова, что один сумасшедший, которого ищет милиция, украл все наши деньги. Все! Нам не на что дальше ехать! Ильич, родненький, – я всё же сбился на просительный тон, – подкинь тысяч десять на бензин и питание! А там, глядишь, шизика этого поймают и наши деньги вернут.

В трубке повисло молчание.

– Эй, начальник! – позвал его я. – Ты, что, язык проглотил? Я говорю, деньги нужны, обокрали нас! Кинь перевод на моё имя, на главпочтампт в Барнаул до востребования. У тебя ведь в сейфе всегда есть заначка с родительских взносов!

– Ты охренел? – ледяным тоном поинтересовался Ильич. – Нет, ну ты совсем охренел, да?! – сорвался на крик шеф. – Какие деньги, какой перевод, какой Барнаул, какой на хрен шизик?! Ты что, решил меня в могилу загнать, да?! А сам занять моё место?!

– Слышь, Ильич, мне твоё место нужно как вороне индийское покрывало. Ты ж знаешь, я в школе работаю исключительно из любви к искусству и поиска смысла жизни. Если ты не вышлешь мне деньги, я брошу автобус на трассе вместе с мешками гуманитарной помощи, а сам с командой вернусь на перекладных. Я решусь на это, не сомневайся. И посмотрим, что скажут твои бельгийцы.

Он застонал на том конце трубки. Я знал: на Троцкого надо идти буром, прижимать его к стенке, хамить, угрожать, шантажировать, иначе проку не будет. Элка уже откровенно смеялась, зажав себе рот рукой.

– Тсс! – попросил я её. Мне и самому стало интересно, что придумает Ильич, чтобы не расставаться с деньгами из сейфа, которые он ежемесячно пополнял за счёт родительских подношений. Уж так повелось, что он считал эти деньги своими и только своими.

– Глеб, ну почему неприятности пристают к тебе как репы к бездомной собаке? – жалобно спросил Троцкий, уже без тени наезда.

– Мне нужны деньги, – напомнил я предмет разговора. – Десять тысяч!

– Пять! – взвыл Ильич. – Пять, и ни копейки больше! Где я возьму тебе деньги?! Нэлька кафель в ванну купила, навесной потолок в спальню взяла, балкон застеклила, окна пластиковые поставила!

– Ты ж вроде совсем недавно ремонт в квартире закончил, – искренне удивился я.

– Где ж недавно?! Восемь месяцев прошло! За это время знаешь, сколько новых строительных материалов появилось? А Нэлька моя за модой следит! В общем, пять вам до границы на бензин хватит.

– Шеф, да мы с голоду сдохнем, – начал было я, но шеф уже нажал отбой.

– Сколько? – язвительно поинтересовалась Элка, прикуривая новую сигарету.

– Пять.

– Щедро! – засмеялась Беда. – Ну что ж, приступай к варианту номер один – беспроигрышному.

Подошёл официант. Он и правда принёс нам кофе.

– Молодец, – похвалила его Элка, – пургенчику не добавил?

– Так это... вы ж таблетки себе забрали, – покраснел парень.

Кофе оказался на удивление хорош – крепкий, горячий, в чашках с толстыми стенками и плотной шапочкой пены.

Герман за соседним столиком вдруг вздумал громко храпеть.

Я вздохнул и набрал на мобильнике номер Сазона.

Дед был богат, как падишах.

А значит, – для него не было ничего невозможного.

История происхождения его состояния была такова, что я дал себе слово ни за что не притрагиваться к его деньгам, но... периодически нарушал эту заповедь к большому удовольствию Элки и ещё большему удовольствию Сазона. Дед любил давать мне деньги. Он хотел, чтобы я просил их много и часто, и чтобы я понял, наконец, что деньги значат в жизни гораздо больше, чем я думаю.

– Что тебе подарить, сынку? – спрашивал он. – Сеть ресторанов? Пивной завод? Яхт-клубы? Автозаправки? Бросай ты свою педагогику и сраный Сибирск! Разве так зарабатывают?! Разве так живут?! Ну хочешь я тебе школу подарю?! Пять школ на Чукотке с чукчами-отличниками! А хочешь, итальянский футбольный клуб подарю?! Или бразильский? Хочешь, Абрамович тебе на дудке играть по вечерам будет?

– Не хочу, – неизменно отвечал я на самые дикие его предложения, потому что... если честно, я был глубоко убеждён, что не имею права ни на копейку дедовских денег, учитывая их первоначальное происхождение. Более того, я испытывал перед ними суеверный ужас, который, наверное, испытывает старая дева перед разбитым зеркалом. Я раз и навсегда решил, что эти деньги не принесут мне ничего хорошего...

– Сынку! – гаркнул Сазон мне в ухо, из чего я сделал вывод, что дед наконец-то научился смотреть на дисплей, прежде чем отвечать на звонок.

– Привет, дед! Как здоровье?

– Хреново! Пришлось удалить один коренной зуб.

– В восемьдесят семь лет не такая уж большая потеря!

– И кому это из нас восемьдесят семь? Уж не тебе ли, сынку? Я – юноша, у которого желаний больше, чем возможностей! Я уже вставил новый зуб, крутой, по новой технологии. Гарантия – пятьдесят лет. Как думаешь, не наврали?! Продержится?!

С тех пор, как дед женился на молодой испанке, у него появился новый бзик – скрывать свой истинный возраст. Он даже купил новый паспорт, где значилось, что он сорок второго года рождения.

– Если и приврали, то чуть-чуть. Дед, если честно, хочу посягнуть на твои возможности. Нашу экспедицию обокрали...

– Сынку, куда экспедиция? Если на Марс, то я – пас, у меня денег не хватит, а если...

– На монгольскую границу. Мне нужно перечислить в Барнаул до востребования тысячу долларов.

– Тысячу? – поскущел дед. – В Барнаул? Это что за планета такая?

– В пределах земной видимости, – терпеливо объяснил я, хотя понимал, что Сазон ваянку ваяет.

– А-а! Так давай его купим, Барнаул этот и дело с концом, – хихикнул Сазон.

– Дед! – разозлился я. – У меня проблема на тысячу долларов и мне не до шуток!

– На тысячу баксов? А больше не возьмёшь ни копейки?

– А больше не возьму ни копейки.

– Элку дай! – гаркнул дед.

Это была его обычная уловка всучить мне через жену больше денег.

– Нет Элки, дома роман пишет.

– Врёшь! Я слышу, как она рядом с тобой курит.

От неожиданности я отшатнулся от трубки. Может, старый хрыч уже прикупил какой-нибудь прибабас, через который можно подглядывать по телефону?!

– Меня? – с хитрым прищуром осведомилась Беда.

– И как ты догадалась? – Я отдал ей мобильник, понимая, что сопротивление бесполезно, что Сазон всё равно дозвонится до Беды и пропихнёт через неё в жизнь самые вредные свои идеи.

– Отлично, Сазон, – елеинным голосом заговорила Беда. – Замечательно! Шикарная мысль! Так и сделаем. Конечно, он согласен, вернее, кто его спрашивать будет! Ты не представляешь, как я рада такому повороту событий! Целую! Обнимаю! Привет твоей знойной Кармен! – Довольная, словно кошка, объевшаяся сметаны, Элка отложила мобильник и, как ни в чём ни бывало, принялась пить кофе, отхлёбывая его маленькими глоточками.

– Ну? – спросил я. – И какому повороту событий ты рада? С чем это я согласен, вернее, о чём меня спрашивать никто не будет?!

Я терпеть не мог Элкины заговоры с Сазоном. Но случались они довольно часто, несмотря на то, что мы жили в Сибирске, а дед в далёком, южном городе.

– Сазон сказал, что перевод до востребования – это фигня для бедных. Он пришлёт деньги с посыльным.

– Что значит – с посыльным? Он погонит ради этого в Барнаул человека?

– Да не человека, а Елизара Мальцева!

– Что?! – От возмущения я вскочил.

Герман за соседним столиком перестал вдруг храпеть и отчётливо пробормотал во сне: «Огонь, батарея! Огонь! Всех вашу мать...»

От удивления я забыл, что хотел сказать.

– Сядь, – засмеялась Беда и закинула ноги на стол. – Толку от твоих воплей не будет! Сазон сказал, что пришлёт с деньгами Мальцева, значит – пришлёт. У Елизара там какая-то очередная мутная любовная история, от которой он пребывает в депрессии. Ему надо развеяться. В общем, дедулин дедуля прилетит в Барнаул собственной персоной, хочешь ты этого, или нет. Эта поездка должна вернуть его к жизни. Ну, как сюжетец?!

– Точно, не из головы...

Я сел и допил свой кофе.

Елизар Мальцев был близким другом моего деда и соратником в его бизнесе. Вернее, если быть точным, Мальцев был практически членом нашей семьи, так как жил, питался и переживал свои многочисленные романы в дедовском доме. Охарактеризовать Мальцева можно было коротко – творческая личность. То есть настолько творческая, что ему трудно было оставаться приверженцем одного жанра. Он писал то стихи, то прозу, то вдруг ударялся во все тяжкие художника-мариниста. Дед с пониманием относился к творческим исканиям Мальцева и даже спонсировал некоторые его выставки и издания. Надо сказать, что отсутствие таланта у Мальцева с лихвой компенсировалось доброй душой и любовью к людям.

Элка называла Елизара дедулин дедуля, хотя Мальцев был моложе Сазона на десять лет.

– Что-то Викторина с Гансом задерживаются, – пробормотал я. – Пойду, шугану этих развратников из кустов! Сколько же можно...

– Оставь их в покое. Они взрослые люди. Вспомни, наверняка и у тебя в семнадцать была такая вот «первая учительница» лет на десять старше тебя!

Я икнул. И вспомнил безалаберную юность. Элка всегда попадала в «яблочко». Была! Именно в семнадцать, именно учительница, и именно на десять лет старше. Она преподавала у нас информатику и как-то после уроков попросила меня... чёрт знает, что она попросила, я точно не помню, но я оказался у неё дома. Мы вроде всё время говорили об информатике, но каким-то невероятным образом во время беседы я успел стянуть с неё блузку и то, что я обнаружил под ней, меня потрясло. Дальше информатика потеряла всякий смысл, потому что учительница не только не сопротивлялась, но и сама быстренько сняла юбку.

Кровать оказалась скрипучей. Экстаз недолгим. А в душе не было холодной воды. Кое-как ополоснувшись кипятком, я умчался со смутным тягостным ощущением, что изнасиловал собственную родительницу. Бр-р-р.

Имею ли я право осуждать Викторину и Ганса?

Пожалуй, что нет.

– Тогда водки мне за счёт заведения! – крикнул я. – У меня стресс, стресс, и ещё... один стресс.

– Гарсон! Водки ему! – Элка щёлкнула пальцами над головой.

Это было невероятно, но парень в грязном переднике мигом притащил запотевший графин и ни словом не обмолвился об оплате. Когда водки в графине осталось на дне, мир показался добрее и лучше.

– Нужно перекантоваться тут до утра, – как сквозь вату услышал я голос Элки, – а когда рассветёт, двинуть в Барнаул, а там – в аэропорт, ждать Мальцева с деньгами.

– Элка, – пробормотал я, глядя как она курит, закинув ноги на стол, – а пошли тоже в сирень! Там сыро, темно, там соловьи поют и зверствует мошкар, там можно заниматься любовью, забыв про весь белый свет, там... Пойдём, вытурим оттуда этого малолетнего мачо и недоделанную школьную порнозвезду и сами займём вакантное место...

– Ты пьяный, – сказала Элка, смеясь и щурясь сквозь дым, – наконец-то ты пьяный и незанудный. Невозможно жить с человеком, который постоянно думает о том, какой пример он подаёт детям. Когда ты перестаёшь думать об этом, я согласна с тобой даже в кусты, соловьёв слушать и кормить мошкар...

Её слова прервал лай. В зал ворвался Рон, он начал бегать вокруг стола и громко брехать.

Я уже говорил, что наш кавказец и рта не раскроет, если нет реальной угрозы хозяевам.

– Собакин, ты чего? – удивлённо спросила собаку Элка.

Рон продолжал носиться и брехать, как дворовая шавка.

– По-моему, он нас куда-то зовёт, – сказал я и встал.

Пол под ногами ходил ходуном. Наверное, зря я всё-таки, выпил. Как бы опять не пришлось подключать силу, волю и интеллект.

Далее события стали происходить с калейдоскопической быстротой.

В кафе ввалилась весёлая компания парней самой живописной наружности. Волосы у них были выкрашены во все цвета радуги, в ушах, губах, носах и на шеях висели какие-то невероятные побрякушки, а татуировок было так много, что у меня зарябило в глазах, и я усомнился в реальности этой картинке, подумав о пьяных галлюцинациях. Но парни заполнили зал, начали галдеть и звать официанта. На мой нетрезвый взгляд всё это смахивало на сцену из какого-нибудь второсортного американского триллера.

Рон перестал лаять, залез под стол и жалобно заскулил.

Нужно было делать какие-то выводы, но я не знал – какие. Элка не спешила мне помогать. Она так и сидела, словно заправский ковбой – с ногами на столе, рассматривала свою обувь и курила. Герман храпел. Наверное, ему снилась война, потому что время от времени он прерывал храп и говорил громко: «Пых! Пых!»

В зал зашёл официант.

– А ваши ребята уехали покататься, – радостно сообщил он нам. – Выгнали из автобуса собаку и стартанули так, что пыль из-под колёс полетела.

– Что?! – заорали мы в один голос с Бедой и одновременно вскочили на ноги.

– Огонь, батарея!!! – заорал Обморок, подняв голову, но тут же уронил её на руки и опять захрапел.

Неформалы затихли, прислушиваясь к тому, что происходит в зале.

– Что значит, уехали покататься? – уже спокойнее спросил я парня, который успел мне надоесть плохими известиями.

– То и значит, что ваша дамочка и чернявый пацан залезли в автобус, выгнали собаку, а через некоторое время автобус сорвался с места... – пробормотал парень, видимо, понимая, что принёс не очень хорошую новость.

– Ни Гаспарян, ни Лаптева не умеют водить машину, – сказала Беда, развернулась и побежала на улицу. Рон помчался за ней. Я сделал всё возможное, чтобы не отстать, хотя ноги меня почти не слушались.

На парковке автобуса не было. Вместо него стоял красный «Вранглер» с открытым верхом, на котором, вероятно, приехали разноцветные ребята, и раздолбанный, старый мотоцикл.

Беда остановилась так резко, что я с разбега налетел на неё.

– Чёрт! – сказала она, оглядываясь. – Они не могли сами уехать! Не могли!!

Я хотел сказать ей, что если уж Викторина способна целоваться в кустах с несовершеннолетним лицом кавказской национальности, то укатить на «скул базе», чтобы просто покататься, ей не фиг делать. Но Элка уже сидела за рулём «Вранглера» и делала какие-то манипуляции, чтобы джип завёлся.

Я прыгнул в салон. Рон скакнул за мной. «Вранглер» взревел движком, и мы совалились с места.

– Что ты собираешься делать?! – перекричал я хриплый мотор и ветер, лупящий в лобовой стекло.

– Соловьёв слушать! – крикнула Элка, закладывая вираж с поворотом на трассу.

– Стой! Ты угоняешь чужую машину!

– Боюсь тебя огорчить, но ты делаешь то же самое! Не трусь, учитель! Положись на мою популярность! Да эти парни ещё гордиться будут, что на их ржавом корыте гоняла сама Элка Тягнибеда!!

Трасса была пустынная и мокрая от дождя.

– Осторожнее! – крикнул я Элке. – Дорога скользкая, а машина не в самом хорошем состоянии! Как ты думаешь, почему они уехали?

– Я ничего не думаю! Набери мобильный этой любвеобильной мымры Лаптевой!

– Я... сроду не знал её мобильного!

– Набери Ганса!

– Элка, может, я удивлю тебя, но я даже не знаю, есть у Гаспаряна мобильник!

– Хреновый из тебя педагог!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.